

84(2Poe-GX)

K 76

© А. КОШМАКОВА

ВОТМОС

28/10 - 2 31/11 - 233

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдач	
24/xi-491	28/xi-120
26/xi-480	31/xi-514
31/xi-104	11/xi-514
	18/xi-105A
12/xi-109	
18/xi-238	
23/xi-130	
15/xi-24	

9013

P 2
K 76

О.А.КОШМАНОВА

Моим землякам-кондинцам

Вот моя деревня

43340-1

БФ № 3	Кондинская ЦБС
	Эколого-краеведческий отдел

ГУИПП «Полиграфист»
Ханты-Мансийск
2000

ББК Р2
К 76

О.А. Кошманова
К 76 Вот моя деревня. - Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист»,
2000. - 92 с. с илл.
ISBN 5-89846-059-4

В книге представлены истории исчезнувших деревень Половинкинской территории (бывшего Половинкинского сельского совета), объединенные в три блока по родственным отношениям жителей и по признаку территориальной близости: 1) Учинья, Половинка; 2) Тап, Пихтовка, Ингатья; 3) Елушкина, Панкутал, Тосклива. Все эти деревни-паулы располагались в среднем течении Конды между 530-м и 630-м километрами реки.

Первые упоминания о поселениях в бассейне Конды я нашла у венгерского исследователя А.Канисто в «Статистике вогулов», изданной в 1902 г. Тогда на Конде было 98 паулей. В 1941 году число населенных пунктов увеличилось до 132, а в настоящее время их всего 22, но от тех старых паулей не осталось и следа.

Многие сведения, положенные в основу этих очерков, собраны во время предвыборной кампании 1957 года, когда я была кандидатом в депутаты областного совета, и пришлось объехать многие деревни Кондинского района. Позднее, разыскивая сведения о Комполене - лесном человеке и Золотой Богине, я снова побывала почти во всех деревнях Конды, беседовала со старожилками, записывала все, что рассказывали. И теперь предлагаю истории исчезнувших деревень читателю, равнодушному к прошлому родного края.

ББК Р2

УЧИНЬЯ, ПОЛОВИНКА

ISBN 5-89846-059-4

© О.А. Кошманова, 2000
© ГУИПП «Полиграфист»,
оформление, 2000

У бесписьменных народов, к которым относились и вогулы (манси), трудно отыскать историю рода или деревни, города или крепости. Можно и нужно опираться на легенды, сказы, сказки. А вот про Учинью и этого почти не сохранилось. Когда поселились здесь люди родов Кауртах и Каурпах, неизвестно. Но Любовь Филипповна Вискунова, урожденная Кауртаева, относилась к роду Кауртах и род Каурпахов не считала родней.

Свое название деревня получила по названию речки, на берегу которой расположилась - Учинья. Слово Учинья произошло от мансийского Вишья, что в переводе означает «маленькая речка». Речка примерно в 150 метрах выше деревни разделяется на два рукава: слева - Малая Учинья, справа - Большая Учинья. Деревня стоит на левом берегу. Речка была свидетельницей жизни многих поколений людей, и всем им была кормилицей и поилницей.

Первые письменные сведения, которыми мы располагаем, относятся к 1892 году. Путешественник и исследователь Севера П.П.Инфантьев в своей книге «Путешествие в страну вогулов» так описывает Учинью:

«Учинье-пауль был первый большой поселок, лежавший ниже устья реки Мулымья. В нем около двадцати юрт, и он находится уже в Сатыгинской волости, насчитывающей у себя населения до 200 ясачных душ. Хотя нам не было надобности заезжать в этот пауль, стоящий к тому же несколько в стороне, на речке Учинье, но так как наши гребцы утомились и хотели спать, то мы и решили сделать привал в этой деревушке. А пока, представив себя заботливости гребцов, мы улеглись спать. Однако спать под прикрытием кошмы и оленьих шкур было слишком душно и жарко, и я долго ворочался с боку на бок, не имея возможности сомкнуть глаз. Наконец, я задремал.

- Эй, Учинье! Приехали! Вставай! - раздался над моим ухом голос моего товарища, старавшегося освободиться от покрывших нас одеяний. Я поднялся. Несмотря на то, что был всего второй час ночи, уже совсем рассвело. Дождь перестал, небо прояснело, и наша лодка стояла причаленной у берега. Мы вышли и стали подниматься вслед за нашими

гребцами, бежавшими впереди по крутому косогору к вогульскому поселку, расположенному на берегу среди густого урмана.

Посреди поселка дымилось большое «курево», в дыму которого тесно жались корова с теленком и несколько штук овец, спасаясь от комаров, появившихся после дождя еще в большем количестве, чем накануне.

Все обитатели пауля спали. Мы подошли к одной из юрт. Из ее настежь открытых дверей в сени валил густой дым.

- Что это такое: уж не пожар ли? - изумился я. Мой товарищ засмеялся: - У них каждую ночь бывают такие пожары, - сказал он. Мы вошли в юрту, которая была вся наполнена густым дымом, евшим глаза. Посреди пола стояло в большой глиняной жаровне «курево», и в облаках его дыма крепко спали на широких нарах, тянувшихся вдоль стен, хозяйин с хозяйкой и двумя маленькими, лет 8 - 10, ребятами.

В пауль Учинье мы узнали, между прочим, от одного проживающего здесь русского, что далее по Конде, верстах в 10 от устья речки Учинье, нам встретятся летние юрты, в которых пока никто не живет, и мы можем найти там шайтанов. Сообщение это было сделано нам под строжайшим секретом, но вогулы оказались предусмотрительнее, чем мы полагали. Еще до нашего отъезда из Учинья, рано поутру два старых вогула отправились по тому же направлению, куда мы должны были плыть, и когда мы туда приехали, то там ничего уже не нашли.

Каково было население пауля Учинья, Инфантьев ничего не сообщает. А вот по переписи 1897 года в нем значится 15 хозяйств, в них - 44 мужчины, 42 женщины (из них вогулов - 76, русских - 10).

По данным венгерского ученого Артуро Канисто, путешествовавшего по Конде, в 1902 году в Учинье было 17 хозяйств, в том числе 16 вогульских. Население составляло 75 человек. Вот полный список глав вогульских семей Учиньи.

1. Кауртаев Андрей Матвеевич, жена, сын, дочь.
2. Кауртаев Антон Ефремович, жена, сын, дочь.
3. Кауртаев Федот Васильевич, жена, сын, две дочери.
4. Кауртаев Филипп Иванович, жена, мать, сын, брат.
5. Кауртаев Григорий Иванович, четыре брата, мать, сестра, невестка.
6. Кауртаев Иван Андреевич, мать, сестра.
7. Кауртаев Иван Васильевич.
8. Кауртаев Егор Алексеевич, жена, три дочери.
9. Кауртаев Осип Иванович, жена, два сына, три сестры, мать, сын сестры, дочь сестры.
10. Кауртаев Петр Николаевич, жена, сын, дочь.
11. Кауртаев Петр Самсонович, жена, сын, дочь, брат, невестка.
12. Кауртаев Спиридон Андреевич, жена.
13. Кауртаева Матрена Степановна, два сына, дочь.

14. Молкин Икоп Самсонович, жена, дочь, сестра, два сына сестры.
 15. Молкин Молфей Данилович, жена, дочь.
 16. Тайлаков Арсений Николаевич, жена.

До 1920 года жизнь в Учинье, как и по всем деревням Конды, шла по вековым законам. Где-то шли войны, свершилась революция, свергли и расстреляли царя, а Ее Величество Природа диктовала таежникам свои законы.

Начнем с лета. Главное во все времена года - рыбалка. С июля - облов речных песков по Конде. Из рыбы готовили урак, рыбий жир. В самом начале спада воды начинали городить запоры в малых речках и следить за ними, удерживая рыбу до заморозков. И тут же - начало сенокоса. Страда! Обычно у нас на Конде - с 10-12 июля. Это самое тяжелое время, паутиное и комариное. Примерно с 15 августа живую рыбу с речных песков запускали в запруды-сады, где и хранили до заморозков. В сентябре - сбор ягод, кедрового ореха и других даров леса.

Осень. Обычно с Покрова - с 14 октября - начинается охота. Этого момента ждут все охотники и встречают, как праздник. Охота - с собаками, до глубокой осени, когда собаки уже не могут ходить по глубокому снегу. В это же время - облов запруд-садов, вылов рыбы у речных запоров. Рыбу морозили. И как только устанавливались дороги, большую часть продуктов вывозили на продажу в русские села. Возили рыбу, ягоды, кедровый орех, мясо, пушнину. Бывало и так, что приезжали ямщики с Гаринской стороны и здесь, на месте проводили товарообмен. Привозили муку, сахар, соль, мануфактуру, табачные изделия, украшения, оружие и многое другое.

Наши сибирские реки подвержены загару. Это значит, что в воде подо льдом не хватает кислорода для дыхания рыб. Вот этим и пользовались местные рыбаки, перекрывая русло реки с живой водой. Рыба по необходимости бросалась в ловушки - тут-то ее и вылавливали тоннами. В последние годы этот способ лова запрещен.

Весна - самое спокойное время года для таежных жителей. Хотя работы очень и очень много, но все они проходят дома, в деревне. Готовили сани, дровни, гнули полозья, заготавливали оглобли, вязали и ремонтировали невода и сети, долбили лодки-осиновки, колотили кедровки-неводники, выгоняли смолу и деготь, заготавливали лыко (из липняка), вили веревки.

Согласно приметам, через 10 дней после ледохода вскрываются озера. И тогда рыбаки выезжают на лов карася.

И - снова лето с его наводнениями, затоплением пойменных земель и деревень, с заботами в большую воду о кормлении животных, о пропитании семьи. И великая борьба с гнусом. И людей, и животных комары, пауты да мошки доводят до безумия.

Коренные жители поклонялись и дереву, и камню, и луне, и солнцу. И до сих пор на мысу возле Учиньи стоит дерево, о котором ходят легенды. Дерево это - лиственница. В настоящее время она сухая и только 10-метровый столб с пустой серединой напоминает о том, что это когда-то было живое дерево. Рассказывают, что все рожавшие женщины Учиньи закапывали под этим деревом послед (детское место), этим связывая судьбу новорожденного человека с родной землей. Когда этот обычай запретили, жители деревни часто слышали женский плач по ночам у заверованной* лиственницы.

Еще в 30-е годы в районе так называемого Верхнего Барака было место поклонения жителей Учиньи. На высоком берегу реки были построены амбарчики на ножках, куда носили дары шайтану, а окружающие эти амбарчики деревья были украшены платками, большими шальями, мехами. Впоследствии за поклонение местным богам стали строго преследовать. На этом месте был построен поселок лесников Верхний Барак.

В укромном месте, вблизи края горы, лежал большой «заверованный» камень. Согласно местной легенде, кто бы и когда бы этот камень ни уносил, ни бросал в воду, он всегда возвращался на свое место. Но борьба с религией, начавшаяся в нашей стране после двадцатых годов, не миновала и язычников. И тогда молодежь, комсомольцы, считая себя передовыми людьми, начали борьбу с поклонением шайтанским местам и шайтанским камням.

По воспоминаниям Вискуновой (урожденной Кауртаевой) Любови Филипповны, которая в то время была очень активной комсомолкой, она, Янка Репин, Янка Кауртаев и другие собрались вместе и решили с этим камнем покончить. Общими усилиями прикатали его к обрыву и сбросили в реку Конду.

- Я и сейчас слышу, как он летит по обрыву и бухается в воду, подняв тучи брызг, - вспоминала Любовь Филипповна.

С тех пор камень на своем месте уже не появлялся. Комсомольцы развеяли легенду о том, что камень возвращается.

По свидетельству А. Канисто, в 1902 году все жители Учиньи говорили на вогульском языке. Обрусение населения Конды началось позже, но христианизация края имеет более глубокие корни. В 1891-1893 гг. в Учинье была построена церковь. Народная молва гласит, что ее построил Филатов Михаил Степанович. Впоследствии он был церковным старостой. В 1912 г., 7 июня, М.С. Филатов умер и был похоронен возле церкви. Его вдова, Мария Степановна, заказала и привезла из Тобольска на 12 подводах мраморный памятник. После закрытия церкви в 1930 г., а впоследствии и переноса церковного здания в другое место (под клуб в д. Мыс) памятник с могилы Филатова бульдозером столкнули в речку,

* Заверованная - священная. Здесь и далее примечания автора.

где он и лежал в течение многих десятилетий. В 1980 г. кто-то из местных жителей сообщил Анатолию Николаевичу Хомякову, создававшему тогда музей, что в речке Учинья нашли мраморные плиты с надписями. Хомяков организовал вывоз плит в музей, где они и находятся по сей день. А дом, в котором была церковь, из деревни Мыс переехал на новое место и стоит по сей день напротив магазина рыбкоопа. Хозяйка этого дома - Чейметова А.С.

Учинская церковь находилась под ведомством Сатыгинской церкви, и по церковным праздникам для богослужения приезжал батюшка Аркадий - последний священник Сатыгинской церкви. Певчими в церкви были Кауртаев Яков Петрович и Кауртаев Алексей Федорович.

После смерти М.С.Филатова по его завещанию все церковные дела и дом с усадьбой перешли к его племяннику Александру Михайловичу Петрушкину, родом из Гарей, он же должен был и содержать вдову Филатова Марию Степановну. Но свой век она дожила у Сатыгина Василия Ерофеевича в Сатыге, где и похоронена.

После переноса деревни на Мыс место, где она прежде стояла, распали. И от могилы Филатова ничего не осталось.

В 1933 - 1934 годах в Кондинском районе побывал этнограф и археолог В.Н.Чернецов. Вот строки из его дневника.

«От Половинки (речь идет о той Половинке, что находилась как раз на половине пути между Тапом и Учиньей. - Авт.) до Учиньи 25 верст зимней дороги, а летней тропой несколько дальше. Днем выяснилось, и было тихо. Дорога шла борами. Лес здесь среднего качества, не особенно высокий. Пройдя 8 км, вышли к Конде около старых барачков леспрохоза. Около барачков впервые показались ели и пихты. Здесь начинаются урманы. Повстречали охотников. Из разговоров выяснилось, что выход белок средний. В день набивают около 10 штук (правда, не во всех местах). При теперешней цене на белку это неплохо. Дорогой несколько раз попадалась липа, правда, в виде жиденьких кустиков. Уже стемнело, когда мы приехали в Учинью. Учинья - небольшой поселок, домов 10, расположен в 3 км от Конды. Подмогнув немного, мы перебрались. Возчик привел меня в какой-то дом, а сам ушел. Но скоро сюда зашла жена одного из наших студентов и увела к ним. Там меня хорошо накормили, а потом я послал за Головкиным, который впоследствии увел меня к ним ночевать. Головкин жалуется, что попал не по назначению. В школе только три ученика, говорящих по-вогульски. Остальные или обрусевшие, или русские.

То, что в классе оказался лишь один вогул, да и то без знания языка, довольно характерно рисует положение дела на Конде. Кондинский район в отношении населения можно разделить на части: кондинскую и нерпальскую. К кондинской относятся поселки, расположенные по самой Конде, а также около Сатыгинского тумана. Здесь большой процент

русских, а вогулы издавна подвергались такому влиянию со стороны русских, что, как выразилась одна шаимская «бывшая» вогулка, стыдились говорить по-вогульски. В результате даже многие взрослые не умеют говорить по-вогульски, не говоря уже о детях. В других случаях родители говорят по-вогульски между собой, а с детьми - по-русски, и те растут, имея родным языком русский, хотя и неправильный.

Другая часть - это Нерпалы, т.е. болотная сторона, этим именем называют территории по левобережным притокам Конды, т.е. вершину Конды, Тапа, Мулымьи, Супру и т.д. Здесь вогулы сохранились несколько лучше, изредка попадаются худо говорящие по-русски, но уже сказки знают лишь немногие...

У вогула дом и лес едины. Он не отличает одного от другого, а у русского же лес огражден стеной от его дома, и лес враждебен и чужд русскому. По всей охотничьей территории у вогула разбросаны чамьи (амбары), где у него хранятся мясо или немного муки и огнеприпасов, а потому он идет в лес налегке, наперед точно зная, что в определенном месте он найдет нужное продовольствие.

Русский охотник, наоборот, выходит из дома навьюченный полуторапудовой котомкой, которая отнимет все его внимание, все силы. Он не умеет промышленно оленя и лося и в результате живет в лесу и дома без мяса».

1 февраля 1924 года был образован Кондинский район с центром в с. Нахрачи (современное название - Кондинское), и стало налаживаться снабжение населения всем необходимым по новому транспортному пути. Но еще долго, вплоть до 1940 года, действовали старые дороги на Гари, а через них на уездный городок Туринск, на Сосьву, Верхотурье, Надеждинск. Вот по этим зимним дорогам и вывозили жители Конды свои товары и завозили все необходимое для жизни.

Долгое время вся западная часть бассейна Конды входила в состав Туринского округа (позднее - уезда) Тобольской губернии, и только после того, как в 1930 году образовался Остяко-Вогульский (ныне Ханты-Мансийский) национальный округ, всю территорию Конды объединили в один Кондинский район. По этому поводу в Нахрачах было большое торжество. Участвовала в нем и Мотышева Таисья Евменьевна из деревни Половинка. По ее воспоминаниям, были собраны представители многих деревень. Тогда говорили, что с этого времени проживающие по реке Конде на веки вечные объединяются в одну семью. А вот архивных документов об этом событии у нас в Конде не найдешь.

Мне хочется рассказать историю деревни Учинья через историю семьи Кауртаева Филиппа Ивановича, 1875 года рождения, моего деда по матери. По записям А.Канисто, в его семье в 1902 году были жена, мать, сын, брат.

Имея семью и большое число родственников, Филипп начинает строительство своей усадьбы. К 1910-1912 годам у него уже полон дом дет-

воры и построена усадьба. Кроме дома, в нее входили завозня*, навес для хранения упряжи и средств передвижения, большой сарай, где в одной половине содержались лошади, а в другой, более теплой, коровы, молодняк, овцы. На этот сарай вела подъемная дорога, куда завозили сено на лошадях прямо с лугов. В деревне это был единственный сарай, оборудованный таким образом. Поэтому, видимо, он запомнился многим и до сих пор кое-кто упоминает о нем как о признаке богатства. Лошади с возами поднимались прямо на сеновал, там сено сгружали, и с другой стороны лошади спускались уже с пустыми санями. Прямо с сеновала сено сбрасывали во двор. Естественно, были и баня, и большой огород. Тогда земледелие только начинало приходиться на Конду.

В семье Филиппа Ивановича и Домны Викторовны, урожденной Овешковой, по словам Любови Филипповны, второй дочери Филиппа Ивановича, было 19 детей. Но многие умерли в детстве. Достигших совершеннолетия было шестеро: Агриппина - 1903, Любовь - 1906, Андрей - 1910, Анастасия - 1912, Наталья - 1916 и Глафира - 1919 годов рождения.

1920 год внес большие изменения в судьбы жителей д. Учинья. Стали в деревню наезжать представители то одной, то другой власти. Открыли школу по ликвидации неграмотности, другие приехали - закрыли. Всякие слухи, один другого нелепее, поползли по деревням. В начале 1921 года на войну с коммунистами стали собирать, а кто такие коммунисты, никто не знал. Потом оказалось, что они «красные». Исчез Прокопий Кауртаев: забрали и увезли. А кто, куда, зачем? Ближе к весне пошел слух, что сюда идут красные, а эти не щадят никого: ни детей, ни стариков. Стали разъезжаться по лесным избушкам, в глухие деревни все, кто мог, спасая себя и детей. Семья Филиппа Ивановича тоже уехала, дома осталась одна Домна Викторовна.

Как позже выяснилось, через Пельым и Гари по зимним дорогам Конды шла регулярная часть Красной армии. С кем она тут собиралась воевать, никто из местных не знал. Был март. Зимники уже подталяли, дорога должна была вот-вот рухнуть. Видимо, поэтому военные очень спешили и забирали в деревнях всех лошадей для перевозки солдат и имущества. Большого грабежа в деревне не было, но в домах, оставленных хозяевами, брали все, что хотели. Филиппа Ивановича тоже забрали с парой лошадей с Тапа, куда нас, детей, отец привез, спасая от красных. Из нашей деревни тогда убили Прокопия Кауртаева. Кто и почему - неизвестно. Когда начал таять снег, его труп нашли на Силавской дороге.

Жизнь в деревне шла своим чередом. Старшая дочь Ф.И. Кауртаева Груня в Сатыге вышла замуж за Сатыгина Александра Егоровича, Люба - в Силаве за Вискунова Василия Ивановича. Вот что вспоминает о жизни в Учинье в то время их сестра Глафира Филипповна Серебренникова, оставшаяся в семье.

* Завозня - место для хранения пищевых продуктов.

«В деревне стали селиться приезжавшие из других мест русские. Коренное население, как и прежде, занималось в основном рыболовством и охотой, а также сбором ягод и кедрового ореха. А вот русские стали сеять рожь, ячмень, овес, выращивать картошку, репу, огурцы, помидоры и другие овощи и научили этому местных манси. В Учинье начали разрабатывать поля и засеивать. Первыми, кто стал этим заниматься, были М.Е. Таскаев, Федор Викторович Овешков, мой отец Ф.И. Кауртаев, Иван Васильевич Кауртаев.

Кроме того, гнали смолу, деготь. Таскаев шил шубы, пальто. Появились ручные швейные машинки. Начали шить одежду. Русские научили сеять лен, коноплю, прясть изо льна и конопляной нити. Ткали на станках ткань. И до сих пор есть у многих ткацкие станки. Гнули дуги, делали сани, изготовляли лодки-долбленки, кедровки. Вязали сети. Были и пинокаты».

В 1924-26 годах в Учинье был сельский совет. Братья Кауртаевы, Филипп Иванович и Дмитрий Иванович, были членами волисполкома. В Ханты-Мансийском окружном архиве сохранились сведения за 1926 год по Учинскому сельсовету (фонд 159, опись 1, ед. хр. 2, лист 1). В учетных карточках, заполненных собственноручно, в графе «национальность» у Ф.И. Кауртаева и Д.И. Кауртаева написано «вогул».

В 1929 году самых хозяйственных мужиков объявили «лишенцами» и богачами. К таковым причислили в деревне Ф.И. и Д.И. Кауртаевых, Ивана Васильевича Кауртаева, Макара Евстаховича Таскаева.

Вы знаете, что это значит? Вот и они не знали, пока не попали в такую беду. Оказывается, и они, и члены их семей лишались права принимать участие в общественной жизни деревни, голосовать. Односельчанам запрещалось даже разговаривать с ними! И начали все описывать. Делалось это так: приходили члены комитета деревенской бедноты вместе с представителями власти и переписывали все, что было в доме, во дворе, в сараях, амбарах: одежду (за исключением того, что было надето на человеке), посуду, белье, коров, лошадей, плуги, бороны, сани, хомуты и прочее. Перечень имущества Ф.И. Кауртаева, опись которого произведена 15 марта 1930 года, дан в приложении. Все это оставалось в хозяйстве вроде бы как на хранение, за все описанное хозяин нес ответственность.

Такие описи устраивали неоднократно и довольно часто. Например, наплели девчата кружев - описали. Купили новое платье или юбку и еще не успели надеть на себя - описали. Все это готовили на торги и впоследствии действительно продали. Причем самим хозяевам и их близким родственникам ничего не разрешалось покупать. По воспоминаниям Любови Филипповны Вискуновой, дочери Филиппа Ивановича, ей очень хотелось купить с этих торгов зеркало, которое она сама когда-то купила и привезла из Туринска, и швейную машинку, которой в молодости пользо-

валась и очень хвалила. Купила, но только с третьих торгов и через подставных лиц. Кстати, и швейная машинка, и зеркало до сих пор хранятся у наследников Любови Филипповны.

По воспоминаниям старожилков, в то время считалось так: если в хозяйстве (без учета числа членов семьи) была одна корова да еще несколько овец - это семья середняка. А если несколько коров да еще и лошади - это уже богатч! Вот так и попали трудолюбивые семьи в богатчи.

По воспоминаниям той же Любови Филипповны, ее совсем маленькой девчонкой брали на рыбалку, и она должна была выбрасывать невод из лодки во время тони.

- Ночью спать хочется, - рассказывала она, - а меня привяжут веревкой к уключине, чтобы вместе с неводом не утащило в реку, - вот я и выбрасываю невод. До сих пор не могу простить отца, что он сам работал днем и ночью и нам, детям, никогда не давал покоя. А потом за наш труд нас же и наказали!

Любовь Филипповна умерла в возрасте 89 лет 1 сентября 1995 года, так и не узнав ничего о судьбе отца.

Но вернемся к воспоминаниям Г.Ф.Серебренниковой. «В апреле 1929 года, - пишет она, - умерла моя мать Домна Викторовна. Овдовевший Филипп Иванович остался с четырьмя детьми: мне, младшей, было 11 лет, старшему, Андрею, - 19. Отец женился во второй раз на Людмиле Александровне Кайдауловой, которая пришла к нам со своим племянником Гошей.

В 1930 году нас раскулачили, и всю семью из семи человек выселили из дому, разрешив: «Живите, если хотите, в бане. А не хотите - уезжайте. Дело ваше». Мы остались, но на этом испытания не кончились. Мне нужно было учиться, но в школу не брали: дочь кулака. Вскоре после раскулачивания брата Андрея и сестру Наталью отправили на лесозаготовки.

Вот такие новые понятия принесла новая власть: кто работал, оказался виновным, а кто жил одним днем, стал героем и страдальцем. Таких собирали в коммуны. В 1930 году такая коммуна была организована в Шаиме. От кулаков туда свозили многое: и одежду, и посуду, и мясо забитых животных. Вспоминают, что коммунарки в день по несколько раз переодевались, на голове носили красные косынки, а питались по три раза в день только пельменями! Коммуна эта просуществовала всего одну зиму, месяцев шесть, не больше. Пока всем снабжали, существовала коммуна, а как только закончились припасы, да самим работать надо стало, тут коммуна и распалась.

Вы что-нибудь слышали про Кулацкие озера? Нет, это не географическое название. Говорят, что на карте эта система озер называется Северной. А вот в народе за ними до сих пор осталось название Кулацких. Идет оно от тех далеких времен, когда на эти озера отправили ловить рыбу раскулаченных мужиков, дав им «твердое задание». Если его не выполнить, значит - суд и тюрьма...

А на деле это выглядело таким образом. В 1930 году у кулаков отняли дома (семьи выселили), лодки, сети, невода и прочее. Но и это не все. За каждой семьей исстари были закреплены рыбацкие угодья. Так, семья Филиппа Ивановича облавливала на протяжении многих лет Ушанатский песок (это было их родовое угодье, как сейчас принято понимать). На нем теперь ловит рыбу бывший Учинский рыбоучасток, ныне акционерное общество «Учинья». Так вот, и эти рыбацкие угодья тоже отняли. Дав твердое задание, запретили ловить рыбу не только на своих родовых угодьях, а вообще вблизи деревни, предложив самим найти места лова, но как можно дальше от деревни. Поехали мужики вверх по речке Мулымья. По дороге много озер осматривали, делали пробные уловы, но ничего не добывали.

Две недели добирались на лодках по речкам и нашли-таки озеро, где можно от тюрьмы спастись! Там ловили рыбу все дети Филиппа Ивановича. Лето, жара, а соли нет! Выловленную рыбу разделявали, из кишок варили жир, из рыбы готовили урак, а часть ее вялили. По зимней дороге на своих лошадях вывезли и сдали государству это самое «твердое задание». Сам Филипп Иванович, его дети, родственники - все гордились тем, что выполнили задание, несмотря на то, что все отняли, даже угодья. Это значило, что они умели работать даже несмотря на искусственно созданные препятствия.

Свой рассказ продолжает Г.Ф.Серебренникова:

«Отец, мачеха, Гошка и я поехали на выполнение твердого задания. Вместе с нами были Кауртаев Василий Иванович, Таскаев Макар Евстахович и Кузнецов Петр с женой. Долго поднимались по речке Усть-Тетерь и только 1 мая 1933 года добрались до таежной деревни Усть-Тетерь. Там жили Яков Сидорович с женой Дарьей Павловной, у них были сын и три дочери. От них отец пошел искать рыбное озеро, нашел его в 10 километрах от деревни и всех повел за собой.

- Вот тут мы будем жить и рыбачить, - сказал тятя. И начали строить общий барак. Готовить лодки, весла, невода, сети. Лето в тот год было очень жаркое. К июню уже все было готово для рыбалки.

...Однажды вечером, когда вся природа успокоилась и стояла полная тишина, отец пошел на озеро, лег на берег и стал наблюдать. В одном месте он увидел над водой мелкие брызги и решил, что здесь и надо начинать лов рыбы. Закинули невод и сразу поймали столько рыбы, что часть ее пришлось выпустить из невода. Сразу же начали ее обработку: коптили слегка и вывешивали для просушки на ветер. В эти дни все работали почти круглосуточно. Слегка подремлют и опять за работу. Подвялив, рыбу прессовали самодельным прессом и укладывали в стопы в амбарчик на ножках, который построили специально для хранения рыбы. Люди отошдали. Питались в основном рыбой, которая почему-то была очень постная. К этому времени поспела морошка, ближайшее болото было желто от нее. Собирали и ели ее.

Брат Андрей, получив отпуск на лесозаготовках, сразу же приехал к нам. Привез сухарей, картошки и немного сахара.

Мы с братом выехали домой в августе. В сентябре приехал и отец с матекой. И снова началась работа. Надо было заготовить сена на зиму, убрать огород.

Но снова беда. Глубокой осенью 1933 года отца и всех мужиков, что были на озере, забрали «за золото», которого ни у кого из них не было. Забрали, увезли, и они работали на строительстве города Остяко-Вогульска. Отец рассказывал, что они строили здание госбанка на улице Карла Маркса. Потом отца освободили, и он начал работать в рыбокомбинате: шил невода, сажал сети. В 1934 году он приехал домой и забрал жену и меня с собой. Людмила Александровна к этому времени была уже тяжело больна. Осенью, когда отец уехал куда-то на сбор ягод, она умерла. Отец овдовел во второй раз...

После смерти Людмилы Александровны отец засобирился домой, в Учинью. Его многие отговаривали, работа была хорошая, но отца все тянуло в свои места. А дома-то у нас уже никого не было. Да и дома не было, ведь его отняли! К этому времени Анастасия вышла замуж, Андрей женился и уехал в Карымский совет, где начал работать продавцом в Кашате. Наташа закончила курсы и работала в Березово заведующей молочной кухней. Но отец все равно приехал домой. В Учинье ему дали старенький домик, в котором прошло его детство, в нем он жил до 1937 года.

В эти годы отец много раз бывал у свата Михаила Федоровича Тайлакова на его озере. Михаил Федорович все отговаривал его, чтобы не жил в Учинье, хоть временно куда-нибудь уехал. Но Филипп Иванович ни за что не хотел покинуть свою Учинью. Там же на озере у свата он познакомился с давно уже овдовевшей Варварой Григорьевной Векшиной и женился в третий раз. Но только 8 месяцев они пожили вместе. В сентябре 1937 года отца, а вместе с ним и всех раскулаченных в 1930 году снова арестовали.

Прошло много лет. Никто из нас не получал от арестованных в 1937 году никакой весточки. Даже не знаем, где могилы наших отцов и дедов. Напомню, что одновременно с моим отцом Кауртаевым Филиппом Ивановичем были арестованы его родной брат Дмитрий Иванович, Таскаев Макар Евстахович, Таскаев Егор Макарович, Кауртаев Василий Иванович. Василий был совсем молодым, его забрали вместо отца - Ивана Васильевича, который в момент ареста находился на рыбалке в тайге. Так вот ни за что и просидел 10 лет».

Дочери Филиппа Ивановича до самой своей смерти надеялись узнать о судьбе отца, и кое-что доносила молва. Первая весть пришла через меня в 1948 году, тогда я училась в школе в селе Леуши, жила в интернате и дружила с детьми Вискуновых. Однажды их бабушка сказала мне, что всем нам передают привет наши старики - Филипп Иванович и Дмит-

рий Иванович. Вроде бы они находятся на каком-то острове. Филипп Иванович уже очень плох, а брат его еще в силе. Об этом сказали Вискуновым летчики, совершавшие рейсы в Леуши. Бабушка предупредила, чтобы я «не болтала языком», а сказала только своим. И опять надежда: вдруг еще что-нибудь узнаем?

В этом же году вернулся из заключения Василий Иванович Кауртаев. Дочь Филиппа Ивановича Л.Ф.Вискунова сразу поехала к нему. О суде он ничего не говорил, сказал только, что в Тюмени за Филиппом Ивановичем и Дмитрием Ивановичем ночью пришли в камеру и приказали выходить с вещами. С тех пор он их больше не видел и ничего о них не слышал.

Позднее случай свел меня с В.А.Бабиновым. Узнав, что я внучка Ф.И.Кауртаева, он рассказал, как сопровождал в 1937 году моего деда и его брата от Сатыги до поселка Ягодного. Братья Кауртаевы пришли в Сатыгу по вызову сельского совета - там объяснили, что их вызывают в Ягодный. Всю дорогу мирно беседовали, мужики возмущались тем, что пришлось время ставить в речках запоры, а их отрывают от дела. По всему было видно, что братья не чувствовали за собой никакой вины и не ждали ареста.

Всего из 23 дворов Учиньи, из 43 человек трудоспособного населения было арестовано семеро: кроме пятерых, упомянутых выше, еще двое - Варакин Лаврентий Максимович и Кауртаев Алексей Федорович. По воспоминаниям Л.М.Вараксина, он сумел доказать, что в то время, когда, якобы, действовал в заговоре, его просто не было в деревне, он учился на курсах. Впоследствии его освободили. Вернулся в деревню и А.Ф.Кауртаев - человек, который всего боялся. Общая молва обвиняла его в предательстве («Стариков продал, тем и откупился»).

При чтении описи имущества мне всегда становится не по себе. Отняли все, даже рогожи, литовки, пшени, старые колуны! Долго я не могла понять, почему лошадь стоит 110 р., а жеребенок - всего 3, втрое дешевле хомута, пока старики, помнящие те далекие времена, не объяснили, что это заниженная цена, чтобы побыстрее сбыть и скотину, и имущество.

Продолжая свои попытки узнать о судьбе родственников, 14 апреля 1998 года я направила запрос в региональное управление ФСБ по Тюменской области и вскоре получила следующий ответ, из которого узнала, что же в действительности произошло с арестованными в 1937 году учинскими мужиками.

Уважаемая Ольга Александровна!

На Ваше заявление, пересланное из областного архива в адрес РУ ФСБ РФ по Тюменской области, сообщаем, что в РУ ФСБ имеется архивное уголовное дело № 5152, по которому проходят следующие лица:

Кауртаев Филипп Иванович, 1875 года рождения, манси, гражданин СССР, уроженец д. Учинья Кондинского района Тюменской области, проживал в д. Учинья Кондинского района Тюменской области. Являлся рыбаком.

Вместе с ним проживали: жена Варвара, 63 года, сын Андрей, 24 года, дочь Наталья, 21 год, дочь Глафира, 19 лет.

Арестован 30.09.37 г. органами НКВД. При аресте вещи и ценности не изымались.

Обвинялся «как организатор к/р повстанческо-террористической группы...».

05.12.37 г. тройка при УНКВД по Омской области приговорила Кауртаева Ф.И. по статье 58-10-11 УК РСФСР к расстрелу. 10.12.37 г. приговор приведен в исполнение в г. Тюмени.

Кауртаев Дмитрий Иванович, 1883 года рождения, манси, гражданин СССР, уроженец д. Учинья Кондинского района Тюменской области, проживал в д. Учинья Кондинского района Тюменской области. Являлся рыбаком.

Вместе с ним проживала жена Матрена, 56 лет.

Арестован 30.09.37 г. органами НКВД. При аресте вещи и ценности не изымались.

Обвинялся «как активный член к/р повстанческо-террористической группы...».

05.12.37 г. тройка при УНКВД по Омской области приговорила Кауртаева Д.И. по статье 58-10-11 УК РСФСР к расстрелу. 10.12.37 г. приговор приведен в исполнение в г. Тюмени.

Таскаев Макар Евстафьевич, 1880 года рождения, зырянин, гражданин СССР, уроженец д. Каргольской Усть-Цисольского района Вологодской области, проживал в д. Учинья Кондинского района Тюменской области. Являлся рыбаком-охотником.

Вместе с ним проживали: жена Пелагея, 61 год, сын Иван, 15 лет, сын Егор, 29 лет, сын Николай, 24 года, сын Сергей, 33 года, дочь Анна, 17 лет.

Арестован 30.09.37 г. органами НКВД. При аресте вещи и ценности не изымались.

Обвинялся «как активный член к/р повстанческо-террористической группы...».

05.12.37 г. тройка при УНКВД по Омской области приговорила Таскаева М.Е. по статье 58-10-11 УК РСФСР к расстрелу. 10.12.37 г. приговор приведен в исполнение в г. Тюмени. В материалах архивного уголовного дела данных о захоронении нет, однако документально подтвер-

ждено, что массовые захоронения в г. Тюмени проводились на территории восточной части Текутьевского кладбища, которое до настоящего времени не сохранилось, попав в зону промышленной застройки; а также в западной части старого Затюменского кладбища (район асфальтового завода).

Кауртаев Василий Иванович, 1914 года рождения, манси, гражданин СССР, уроженец в д. Учинья Кондинского района Тюменской области, проживал в д. Учинья Кондинского района Тюменской области. Являлся рыбаком. Холост.

Арестован 30.09.37 г. органами НКВД. При аресте было изъято: «ружье одностольное...».

Обвинялся «как активный член к/р повстанческо-террористической группы...» 05.12.37 г. тройка при УНКВД по Омской области приговорила Кауртаева В.И. по статье 58-10-11 УК РСФСР к 10 годам заключения. Для отбытия наказания Кауртаев Василий Иванович был этапирован в Бамлаг НКВД. По материалам дела в 1948 году прибыл к месту прежнего жительства (д. Учинья).

Таскаев Егор Макарович, 1909 года рождения, русский, гражданин СССР, уроженец д. Учинья Кондинского района Тюменской области, проживал в д. Учинья Кондинского района Тюменской области. Являлся рыбаком и занимался сельским хозяйством.

Вместе с ним проживали: жена Афанасья, 29 лет, дочь Камила, 4 года, дочь Валентина, 2 года.

Арестован 30.09.37 г. органами НКВД. При аресте вещи и ценности не изымались.

Обвинялся «как активный член к/р повстанческо-террористической группы...» 05.12.37 г. тройка при УНКВД по Омской области приговорила Таскаева Е.М. по статье 58-10-11 УК РСФСР к 10 годам заключения. Для отбытия наказания Таскаев Егор Макарович был этапирован в Севжелдорлаг НКВД.

Теперь, бывая в Тюмени, мы приносим цветы к скромному обелиску на улице Полевой, где в декабре 1937 года проводились массовые расстрелы. Поздно вато, но это уже не наша вина.

Но вернусь к деревне. - 43340-1.

Колхоз в Учинье (по воспоминаниям некоторых старожилов, это была просто рыбартель) образовался в 1930 году. В него передали часть имущества раскулаченных, а часть, в основном вещи, увезли в Шаим в коммуну имени Парижской коммуны. Колхоз получил название «Красный

ОРИГИНАЛ

Тюменский ЦС

путь». Первый председатель - Кауртаев Прокопий, его сменил Сатыгин Александр Георгиевич. В 1933 году случилось несчастье: во время переправы через Конду утонули колхозные лошади. Сразу же председателя колхоза Сатыгина судили и посадили. Во время войны, когда все мужики были на фронте, председателем была Юлия Рыжкова, после нее, сразу же по возвращении с фронта по ранению - Кривоногов Павел Михайлович. В Учинском музее сохранились документы, где указаны границы колхозных земель. Государственным актом на вечное пользование земель за сельскохозяйственной артелью «Красный путь» были закреплены 1484,02 гектара.

Начиная с 1953 г., стали присоединять к Учинскому колхозу соседние рыбартели и колхозы. В 1953-54 гг. к Учинье присоединили колхозы Половинки и Силавы. В Силаве колхоз был организован в 1931 г., председателем был Гришкин Александр Яковлевич. Совершенно неграмотный мужик, манси, он очень хорошо вел хозяйство.

30 июня 1953 г. председателем колхоза был избран Овешков Павел Федорович, который до этого закончил трехмесячные курсы председателей в Ханты-Мансийске. Жителям Учиньи нужен был местный, свой председатель - вот они и направили его на учебу. По окончании учебы он сменил П.М.Кривоногова.

По воспоминаниям А.Н.Хомякова, в 1955 году, когда он вернулся с армейской службы, в деревне Половинка колхоза уже не было и ему пришлось ехать на работу в колхоз д. Учинья. В это время началось строительство поселка Половинкинского леспромхоза, электростанции при нем, правление колхоза приняло решение о переселении деревни Учинья на Мыс. Все надеялись, что будет электросвет, а то освещались керосиновыми лампами. В 1957 году начали перевозить из Учиньи за три километра, на берег реки Конды (на Мыс) скотные дворы, жилые дома. Так постепенно деревни Учиньи не стало, все перебрались на новое место: и школа, и медпункт, и все жители, надеясь на лучшее.

При переселении колхоза на Мыс все дома раскулаченных были проданы колхозникам, а те уже сами перевезли их на новое место, где они и стоят до сих пор. Видимо, так судьбе было угодно распорядиться, что дома Филиппа Ивановича и Дмитрия Ивановича Кауртаевых стоят друг против друга. В доме Филиппа Ивановича живут Овешковы, а в доме Дмитрия Ивановича - Баженовы. В доме Таскаевых живут Сербовы, в доме Кауртаева Ивана Васильевича, некогда двухэтажном (на Мыс был перевезен только второй этаж), поместились Сафронов Тимофей и Грозный Николай с семьей. Дом М.С.Филатова теперь принадлежит Ивану Николаевичу Хомякову.

А вот церковь, построенная Михаилом Степановичем Филатовым в деревне Учинья, стоит уже на третьем месте. Сначала перевезли ее на Мыс и там собрали вновь под клуб. После ликвидации колхоза продали Чейметовой Августе Сергеевне, которая в очередной раз разобрала его и перевезла в поселок на ул.Рыбников.

В колхозе Учиньи, по воспоминаниям заведующего молочно-товарной фермой, было 100 дойных коров, много молодняка крупного рогатого скота, свиньи, овцы, которых содержали в деревне Силава, около 70 лошадей вместе с молодняком. Было распаханно поле возле деревни Учинья, на 7 гектарах выращивали картошку и морковь, на остальных 17 - овес для лошадей. Но основной отраслью оставалась рыбодобыча.

В 1957 г. к Учинскому колхозу присоединили и Шаимский, в который до этого собрали 13 колхозов и рыбартелей - все деревни Шаимского совета. Став хозяином всего верховья Конды, колхоз получил название «Луч».

В это время председателем колхоза работал Дмитрий Семенович Филатов, приняв его, по-видимому, от П.Ф.Овешкова. Филатов был большой специалист по разбазариванию колхозных средств. Вот примеры: купил где-то племенного жеребца за 15 тысяч рублей (по тем временам громадная сумма) по кличке Донбасс, оказавшегося больным, потомства от него не было, купил полуглиссер (небольшой катерок), тоже за 15 тысяч, но такой, что сколько моторист Генка Гришкин с ним ни возился, завести не мог. Но главным бичом Филатова и его окружения было пьянство. Кто придет к нему с бутылкой, с тем и пьет. И часто по неделе не выходил на работу. Так и умер от пьянки.

1961 г. для большинства колхозов района (и, наверное, не только нашего) стал решающим. Колхозы, рыбартели в это время ликвидировали, в стране проходила так называемая реорганизация в рыбную промышленность. Коров, лошадей - на забой, а часть увезли в Лиственничный и совхоз «Ильичевский». Все остальное, что имел колхоз, передали Учинскому рыбоучастку. Колхозники стали (по личным заявлениям) работниками рыбной промышленности. Началась паспортизация населения. Все надеялись на лучшую жизнь.

Про Учинский рыбоучасток надо рассказать отдельно и более подробно. В 1942 г. образовался Учинский рыбозавод, директор Розенберг Борис Павлович. (По данным Михаила Члек - Борис Иванович). Он просуществовал по июнь 1946 г. Затем был присоединен к Кондинскому рыбозаводу и переименован в рыбоучасток. Последним директором Учинского рыбозавода после Розенберга была Никонова Раиса Ивановна. Дальше, по воспоминаниям Саламатова Ф.В. и Члек М.П., было

еще несколько начальников рыбоучастка. С 1964 по 1984 г. Учинским рыбоучастком руководил Федор Васильевич Саламатов. Федор Васильевич вспоминает:

«Учинский рыбоучасток я принял от Долгих Федора Григорьевича 6 августа 1964 г., причем начальником он работал уже повторно. В тот день 6 августа 1964 г. я приехал на рыбоучасток вместе с зам. директора Кондинского рыбозавода Шимовым Александром Ивановичем и главным техником лова Розенфельдом Семеном Самуиловичем. Зашли в кабинет, а Долгих преспокойно спит пьяный, положив голову на стол. В тот же день его и сняли с работы, а меня назначили. И вот 20 лет, с 1964 по 1984 г., я был начальником Учинского рыбоучастка. К этому времени колхозов уже не было. Начиная от Арпавлы (это верховье Конды) до Панкутала (531-й км реки Конда), все речки, озера и неводные пески Конды облавливал наш рыбоучасток. У нас было 35 кадровых рыбаков-речечников, которые занимались запорным (котцовым) рыболовством на малых таежных речках.

Обычно план у нас был 500 тонн рыбы в год, но рыбоучасток всегда перевыполнял его и давал 550-600 тонн. Главное было - добыть рыбу и привезти с песков, с дальних и ближних речек в цеха. Часть рыбы солили и вялили, часть увозили самолетами в замороженном виде в Верхнюю Салду и Каменск-Уральский, катерами и машинами - в Урай и Советский. Оставшуюся продукцию отгружали на холодильник Кондинского рыбозавода. Кроме того, заготавливали древесину по 1500-2000 кубометров в год и отправляли по Конде на Салехардский рыбокомбинат. Содержали ферму лошадей, до 90 голов и больше, только 25 лошадей ежегодно работало на вывозке рыбы. Были лошади у рыбаков-речечников. Значит, и заготовкой сена занимались. Изготавливали ящики для упаковки и отправки рыбы, сани, дровни, лодки, сами готовили сети, невода».

За время правления Саламатова около 20 человек были награждены правительственными наградами, в том числе и сам Саламатов, - орденами Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени. Кроме того, ему присвоено звание заслуженного работника рыбного хозяйства РСФСР. Кроме него, награды получили Тайлаков Иван Аркадьевич, Филатов Александр Германович, Изосимов Анатолий Петрович, Зольников Виктор Яковлевич, Кадулина Ярослава Михайловна, Члек Нина Павловна, Гайдукова Мария Федоровна и другие.

19 августа 1984 г. Саламатов ушел на пенсию. После него начальники Учинского рыбоучастка меняются часто.

Тан. Рухтовка.
Унгатья

Название Тап происходит от названия левого притока Конды, близ устья которого и находится мертвая ныне деревня. Тем, кто бывал здесь, особенно в малую воду, и слышал, как струится, переливается, звенит река, невольно вспомнится название мансийского струнного инструмента - санквальтап и само собой придет красивое объяснение названия реки: Тап - звенящий, струящийся.

Археологи, проводившие разведывательные работы в д. Тап и ее окрестностях, утверждают, что жизнь на этих местах была и 2-3 тысячи лет до нашей эры.

До Октябрьской революции и даже до 1937-38 годов жители тайги были разбросаны по маленьким паулям-деревням, облавливая речки, занимаясь охотой, сбором ягод и кедрового ореха. Например, род Тайлаковых жил в деревне Тап, род Ёлушкиных - в д. Ёлушкина, род Мотышевых - в д. Панкутал.

По данным А. Канисто, в 1902 году существовало два Тапа: паули Тапинский, где было 6 хозяйств с 33 жителями, и Верхне-Тапинский - два хозяйства с 9 жителями. Впоследствии население этих паулей-деревень, а также Пихтовки, которой в 1902 году еще не существовало, и Ингатъи (в 1902 году там было 6 хозяйств с 21 жителем) переселилось в Тап.

Около 1939-40 годов была организована рыбартель «Северный рыбац» с центром в д. Пихтовка, которая объединила жителей Ингатъи, Пихтовки, Тапа. По похозяйственной книге на 1940 год в Тапе значилось 24 хозяйства, в них - 80 человек, в том числе 12 рабочих, 50 колхозников, 18 единоличников, 30 русских и 50 манси. В Пихтовке было всего 6 хозяйств, в Ингатъе - 3. Первым председателем этой рыбартели был мой отец Тайлаков Александр Михайлович.

Здесь следует добавить, что в годы Великой Отечественной войны из деревень Тап и Пихтовка на фронт ушли 16 мужчин, вернулись только двое. Все погибшие занесены в книгу «Память» и увековечены на памятнике, созданном А. Н. Хомяковым в поселке Половинка. Участники трудового фронта, призванные по повестке военкомата, занесены на памятные мемориальные доски там же.

Пишу историю Тапа, но невольно приходится рассказывать и о Пихтовке, потому что обе деревни объединяло одно хозяйство.

В годы войны в Пихтовке работали в колхозе Бойцова-Филатова Василиса Константиновна, Бойцова Елена Константиновна, Бойцова Татьяна Николаевна, Филатова Лукерья Павловна, Чеканова Ульяна Яковлевна, Енканов Иван Яковлевич, инвалид, его жена Енканова-Литовских Анна Трофимовна, Софронов Павел Данилович (умер в 1947 году), Панаева Ирина Ивановна, Бойцова Евдокия Прокопьевна (1905-1966), Башлыков Семен Васильевич, его жена Башлыкова Ульяна Михайловна, Башлыкова Клавдия Семеновна, Чеканова Клавдия Григорьевна, Чебаева Евгения Ивановна, Иванова Любовь Ивановна, Чебаева Вера Матвеевна.

По мере сил помогали колхозу и люди пенсионного возраста: Иванов Иван Климентьевич, Ефремов Лаврентий Федорович, Чеканов Иван Петрович и его жена Чеканова Мария, Копьева Варвара Павловна, Енканова Федора Васильевна, Бойцов Антон Константинович, инвалид с детства.

В деревне Тап жили и работали в эти же годы Кауртаева-Тайлакова Анастасия Филипповна (умерла 2 июня 1998 года в возрасте 86 лет), получившая медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Тайлаковы Анисья Михайловна, Федора Афанасьевна, Наталья Семеновна, Анна Ефимовна, Василиса Прокопьевна, Валентина Александровна, Рычкова Клавдия Илларионовна, Нагибина Александра Викторовна, Косякова Устинья Михайловна, Балакина Елена Ивановна, Загваздин Алексей Иванович, пришедший с фронта по ранению, его жена Александра Ефимовна.

Еще в деревне жили Силин Василий Федорович и его жена Евгения Афанасьевна с сыном Петром. В соседней деревне Кисарь, в 10 км вверх по течению реки, жили тогда всего две семьи, приписанные к деревне Тап: Лобанов Павел Иванович с женой Надеждой и сыном Александром и Кордюков Михаил Тимофеевич с женой Варварой Феоктистовной, дочерью Марией и сыном Борисом. Оба Кордюковы - и отец, и сын - участники войны. Борис Михайлович несколько лет после возвращения с фронта по ранению работал бухгалтером в колхозе «Северный рыбац».

Летом 1942 года в Тап привезли семью эвакуированных из Бессарабии (Черновицкая область, Глубовский район, с. Малая Буда) - Петрович Дмитрия Кирилловича, 1896 года рождения, его жену Магдалину Георгиевну, 1897 года рождения и их шестерых детей: Анну, Марию, Дмитрия, Георгия, Дину и Дорика. Все они остались в нашем районе и дали большое потомство: Петровичи, Бабиновы, Смирновы и др.

Кроме Петровичей, в нашем Тапе были эвакуированные из Ленинграда и Ленинградской области. Имен и фамилий их уже никто не помнит. Среди них был учитель. Когда он умер, его хоронили и оплакивали всей деревней. Помнят еще Женю Горохову, эвакуированную из-под Великих Лук. Она, за отсутствием мужчин, пахала колхозную землю на полях (сеяли овес, рожь). В 1944 году привезли много калмыков.

В рыбартели, кроме рыбодобычи, занимались животноводством, овцеводством (были завезены овцы романовской породы), охотой, сбором ягод. Основной вид транспорта зимой - лошади, летом - лодки. На все спускались планы, и требовалось их строгое выполнение. Кроме того, в зимнее время спускали план на несколько человек по заготовке леса в леспромхозе, а летом - на сплав. И колхозы (так обычно в быту называли рыбартели) направляли людей на заготовки - в основном одиноких женщин или подростков.

Большим дополнительным заработком для населения деревень был сбор ягод. Обычно он начинался с 20 августа, реже с 1 сентября. Всеяй деревней выходили в лес за брусникой. Обычно ягоды выносили только из ближайших боров, а в дальних ссыпали в каруса*. Позднее их вывозили по зимним дорогам. Ягоды заготавливал Нахрачинский экстрактоварочный завод. Мы же обычно говорили: «Сдать ягоду». Цена брусники, например, в 1947-48 годах была 30 копеек за 1 кг. До последних лет Тапинские боры славились по всей округе обилием ягод и туда приезжали на заготовки из Свердловска, Ирбита, Егорщины и других мест Свердловской области.

Особенно хочется сказать о работе в колхозе людей пенсионного возраста. Из них Афанасий Григорьевич Нефедков, 1880 года рождения, одно время был председателем рыбартели. Мой дед Михаил Федорович Тайлаков, 1888 года рождения, стал первым орденосцем Кондинского района за перевыполнение в несколько раз плана по вылову рыбы. Ефим Семенович Балакин славился тем, что на всю округу плел камки (морды) для лова рыбы в речных запорах (арпах) из-под льда. Анастасия Егоровна и Анна Ефимовна Тайлаковы постоянно водили нас в лес за ягодами, которые сдавали в счет плана колхоза. Егор Сергеевич Елушкин водил экспедиции в верховья Тапа.

В годы войны к нам в деревню приехала семья Зайкова Прокопий Ивановича. У них была большая семья - 7 человек. Так вот дед Зайков плел всей деревне лапти. Особенно рады были мы, дети, когда нам покупали лапти от Зайкова. По деревне-то мы все лето бегали босиком, а лапти нужны были при сборе ягод в бору или на болоте: в бору сосновые

* Каруз - деревянный сруб для хранения ягод в лесу.

шишки ноги не колют, через мокрое болото пройдешь - вода вылилась, и ноги быстро обсохли.

Женщины пенсионного возраста... Не знаю, получал ли кто-либо из них какое-то пособие. О колхозной пенсии (12 р.) стали говорить гораздо позже. А тогда жили так же, как и много веков назад: что поймал, собирал, наловил в речке - тем и живи! Каждый двор в деревне держал корову или овцу и даже свиней. Были и лошади. У нас была лошадь, значилась по документам за бабушкой - Евдокией Яковлевной Тайлаковой. Помню, что много раз велся разговор о том, чтобы эту лошадь сдать в колхоз, но бабушка отстаивала свои права, и ее оставляли в покое. Мерин Карька продолжал жить у нас и помогать по хозяйству: возил дрова, сено с лугов для себя и прочей скотины.

В конце 1942 или начале 1943 года к нам в деревню приехала председателем колхоза Мальцева Мария Дмитриевна. Говорили, что ее направили к нам из района. Поселилась она в Пихтовке. В обеих деревнях Мальцеву все звали просто Маруся.

Есть фотография от 30 апреля 1947 года, на которой в центре - главный бухгалтер Кордюков Борис Михайлович и председатель колхоза Мальцева.

Есть и фотография 1950 года, где сфотографирована элита колхоза, но уже в деревне Тап. Первым сидит председатель колхоза Шимов Константин Васильевич.

До Шимова председателями работали после ухода Мальцевой сначала Бойцов Иван Сергеевич, участник войны, коренной манси, малограмотный. Затем из района прислали Михалева Федора Николаевича, но он очень мало стоял у власти. Весной 1949 года приехал в Леуши на маленькой лодке-осиновке. Тогда был очень большой разлив воды, и от Леушей до Корпа - сплошное море воды. Я тогда училась в 5 классе Леушинской школы, и мне Михалев привез передачу из дома, а я должна была передать домой кое-какие вещи. В назначенное время я пришла на берег реки Ах и проводила Михалева. Погода была ветреная, и была большая волна, но он очень спешил домой и прямо от берега поехал напрямую на Корп. Больше его никто нигде не встречал, ни в Тап, ни в Пихтовку он не приехал. Предполагали, что утонул. Никаких следов не наши. Да и где искать? Расстояние от Леушей до Тапа больше 70 км.

В 1953 году к рыбартели «Северный рыбак» присоединили артели деревень Кипавла (Кипаул) Леушинского сельсовета, Урай Шаимского сельсовета, Красный Яр и Турпавла Карымского сельсовета. Из Урая сплавились по реке со своими домами и скотом Ивановы, Навильниковы, Леоновы, из Кипавлы - Калымовы, а из деревень Карымского совета в основном Копьевы.

После гибели Ф.Н. Михалева приехал в колхоз председателем Шимов Константин Васильевич. Правил колхозом он около 9 лет - до того времени, когда в 1959 году хозяйства деревень Тап и Елушкина слили в один колхоз имени Карла Маркса и елушкинцы «протянули» своего председателя - Саламатова Федора Васильевича.

В начале 1998 года Федор Васильевич вспоминал:

«С февраля 1959 по сентябрь 1961 года жители Тапа и Елушкиной трудятся вместе. К сентябрю 1961 года колхоз приобрел пилораму, трактор, три тракторные сенокосилки, тракторные грабли, два метчика (катера 10- и 20 - сильные), кормокухню. Трудодень на 1960 год обошелся по 10 рублей.

Была в колхозе создана комиссия по выработке расценок, и колхоз к 1961 году перешел на денежную оплату труда. Деньги выдавались регулярно 5 и 20 числа каждого месяца.

В 1961 году мы заготовили рекордное количество сена - 1200 тонн. Благо, было кого кормить: только дойных коров у нас было 130 голов, много молодняка крупного рогатого скота, лошадей. Две зверофермы в Тапе и Елушкиной.

Но тут новая волна. Называлась она ликвидацией колхозов и реорганизацией их в рыбную промышленность. Я был назначен председателем ликвидационной комиссии с 1 сентября по 1 октября 1961 года. Попытался выступить в районе за колхозников: мол, это все колхозное, все им принадлежит. Но мне заявили, что они зарплату получали. На этом все и кончилось. Колхоз имени Карла Маркса ликвидировали. Всем желающим предложили написать заявления о приеме на работу в рыбоучасток. Написали. А куда было деваться? Так все колхозники 10 или 11 сентября 1961 года в одночасье превратились в работников рыбной промышленности.

Меня с 1 октября 1961 года назначили начальником Елушкинского рыбоучастка.

Что стало с хозяйством? 90 голов дойных коров увезли в пос. Лиственничный, в колхоз. Там у них до этого случился крупный пожар - вот они и пополнили нашим стадом свое хозяйство. Трактор и сенокосилки в Юмас увезли, лисиц - в Болчары. Так все и развеяли.

В августе 1964 года меня перевели начальником Учинского рыбоучастка. А потом в Елушкиной рыбоучасток закрыли. Правда, на лето на песок ставили плашкоут для приемки рыбы. Ни колхозов, ни рыбартелей ни в Тапе, ни в Елушкиной не стало, кто будет ловить и сдавать рыбу!? Вот так постепенно все и заглохло».

Закрылись школы, медпункт, магазин. Наиболее предприимчивые начали искать себе работу по лесоучасткам, некоторые из молодежи

уезжали учиться и там устраивали свою жизнь. Остались в деревнях одни старики.

Некоторые обвиняют коренных жителей: кто вас выгонял из деревень? Сами не захотели в них жить. Но как жить, если нет работы? Наши предки жили в своих деревнях-паулях неплохо. Но советская власть принесла новые идеалы и принципы: все должны работать, кто не работает, - тот не ест! Труд в домашнем хозяйстве не считался за работу, не работающий в колхозе или на предприятии презирался, преследовался. Вот и останься в деревне.

И разъехались. Не только по лесоучасткам. Часть живет в г. Урае, другие вообще покинули и свой район, и область. Приведу личный пример. В 1980 году мне срочно нужно было выехать в г. Куйбышев на глазную операцию. Подумала: а нет ли там знакомых? Поговорила с родственниками и буквально через несколько часов имела не только адрес, но даже номер телефона моей близкой родственницы, которая жила в детстве в д. Тап, - Нины Дмитриевны Аховой (урожд. Исыповой). Оказывается, до этого она жила в Венгрии, а вот теперь в Куйбышеве.

И так от Бреста до Владивостока и находки живут бывшие жители бывших деревень Конды или их потомки.

Вот, наверное, и вся история деревни Тап.

Вся, да не вся. Когда покинули деревню коренные жители (свято место не бывает пусто), освоили ее жители Свердловской области. И стали в сезон ягодный да на рыбалку со всей области наезжать в Тап. Бывало, что и по двести человек в нем набиралось. И все уезжали не с пустыми руками: увозили рыбу, ягоды, лекарственные травы. И так, наверное, до 1998 года. В то лето теплоход «Заря» не ходил по Конде и не на чем было добираться до Тапа - вот и опустел он. Может быть, это даст Тапу передышку, и восстановятся ягодники в борах и на болоте.

По статистике, в 1942 году в Кондинском районе было 136 деревень-паулей, сейчас - всего 22 вместе с вновь образованными. Значит, больше ста деревень исчезло с лица Конды: одни сгорели, другие от ветхости рассыпались в прах. А вот Тап как стоял, так и стоит! Как было в нем в 1941 году 20 домов, так и сейчас 20 жилых, хотя и брошенных. Значит, жив Тап.

Многие, кого я привожу в Тап, находят его энергетически насыщенным местом. Недолгое пребывание там дает творческий подъем и добавляет здоровья на длительное время. Об этом мне говорили разные люди из Свердловской области. Говорили, что приезжают совсем не за дарами природы, а просто отдохнуть, побродить по сосновым борам, подышать чистым здоровым воздухом.

Описав Тап, я упустила очень важное из жизни людей. Это вера.

В начале века в Тапе поселились русские: Балакины, Куреневы, Нефедковы. Они принесли сюда свою веру и свои иконы. В нашем доме тоже были иконы, и моя бабушка Евдокия Яковлевна Тайлакова иногда молилась на них. Но обращалась к богу на мансийском языке: «Щим Торум!» (Мой Бог!). Нам же, детям, никогда ничего не внушали. Но с раннего детства мы знали о шайтанском амбарчике и шайтанском камне. И ради любопытства бегали к ним. Смотрели. Но все знали, что брать с этого места ничего нельзя!

Во время Великой Отечественной войны этот амбарчик уже пришел в негодность, крыша совсем прогнила. Никто его не ремонтировал, ходили к нему тайно, принося дары, только мы, дети, бегали открыто. Сейчас я понимаю это так, что советская пропаганда делала свое дело, и всем нам очень хотелось быть свободными ото всех оков.

Приходя на заверованное место (к амбарчику, камню), видели тряпочки, монеты. Никто из местных жителей никогда ничего из этих приношений не брал, знали, что расплата наступает быстро в виде тяжелой болезни или даже смерти. Значит, доходило до нас, что-то такое есть, чего нарушать нельзя.

В 1947 или 1948 году по деревне стали ходить слухи, что Ваньке Тайлакову-маленькому снится сон, в котором к нему приходят 7 девок и просят отремонтировать амбарчик и покрыть крышу. Вот тогда-то я и узнала о Шайтане семи девок! И гораздо позже услышала легенду о том, что, якобы, ушли в лес по ягоды семь девок и заблудились. Пошли их искать семь парней и тоже не вернулись. А души семи девок поселились в этом амбарчике. Стали семь девок сниться Ваньке и просить его покрыть крышу. И обещали, что если он сделает то, о чем его просят, будет у него очень хорошая жизнь. А если нет - заберут его к себе! Но Ванька, воспитанник нашей системы, ничему не верил. И умирать не собирался, тем более что обладал отличным здоровьем. Но сны свои рассказывал.

Возможно, это случайное совпадение, но будучи на лесозаготовках на тяжелых работах, Иван надорвался и умер. Похоронен в Тапе. По общему мнению жителей деревни, Иван не выполнил просьбу шайтана семи девок, и забрали они его к себе!

После этого амбарчик быстро развалился, а наш шайтанский камень, неподвластный времени, продолжает лежать на своем месте! И до сих пор местные жители, тайно друг от друга, носят дары в виде лоскутков ткани, монет и кладут под камень или оставляют на камне с просьбой о здоровье, удаче, благополучии, мире и др. Но место, где лежит камень, держится в секрете из боязни осквернения его пришлыми людьми.

Про культ медведя в детстве я никогда ничего не слышала, как и про медвежьих праздники. Но жили мы в окружении леса, и медведей в наших

лесах водилось довольно-таки много. Часто, будучи в лесу, приходилось видеть свежие экскременты. И моя бабушка, с которой я часто бывала на рыбалке и охоте, напоминала мне, чтобы я в лесу о медведе никогда не говорила и даже не думала, а если уж придется сказать, то только в уважительной форме!

Из своего военного детства я помню, что почему-то в нашей деревне были конфискованы ружья у всех, кроме штатных охотников. Вот и занимались женщины и подростки бесшумной охотой: ставили слопцы, пегли на птицу и диких животных.

И радио слушать не разрешалось! Это я хорошо помню, потому что у нас был довоенный радиоприемник, уже не работающий. К нам неоднократно приходили, проверяли и даже вынимали какие-то детали, чтобы мы не слушали радио. И предупреждали, что если станем слушать, будем наказаны!

И еще нас в деревне всегда пугали, что при плохом нашем поведении - шуме, крике в вечернее или ночное время - нас может забрать хумполь.*

Кто же такой хумполь? По нашим понятиям, это был хозяин бора, где мы собирали ягоды. В вечернее время в лесу не разрешалось шуметь, кричать, чтобы не потревожить хозяина. Особенно в «заверованных» местах.

«А места здесь заверованные», - предупреждали нас старшие, когда вели в лес за ягодами. Все знали, как надо себя вести в лесу, чтобы не вызвать гнев хозяина: ничего не ломать, не бегать и вообще вести себя как в гостях, а не как у себя дома. И называли его - хозяина леса - хумполь, комполь, хумполэн или кумполэн, а еще просто - хозяин, вотчинник, земляник-землячок, а иногда и «худой».

Почему-то многие считали, что у него одна здоровая нога, а другая - высохшая и ходит он с большой дубинкой. Видел ли кто его? Юрий Германович Филатов уверяет, что дважды видел своими глазами. Было это после 1950 года. Однажды ехал он со своим дядькой Бойцовым Антоном Константиновичем по озеру вблизи деревни Пихтовка и вдруг увидел, что из леса вышел высокий человек.

- Дядя Антон так испугался, что залез под скамейку (ехали на небольшой кедровке) и даже с испуга обмочился! - вспоминает Филатов. - Странно, я вижу, что он боится, а у меня страха нет. Постоял он, посмотрел на нас и ушел в лес.

* Хумполь - в мансийском языке «хум», «кум», позднее «хом», «ком» - мужчина. А слова «поль», «полэн» обозначают принадлежность этого мужчины не к нашему, а к другому миру. Вспомните слово «полтергейст», где начало слова тоже «пол». Полтергейст - шумный дух.

- Где искать его будем? - спрашиваю у дядьки.

- Зачем искать?! Поехали скорее отсюда.

- Второй раз видели вместе с Иваном Тайлаковым-маленьким. Тогда мы плыли по Тапу с рыбой с Ингатъи. Ехали по течению и увидели, что навстречу идет кто-то. Не человек, но с палкой в руке. Весь такой серовато-темный. Иван как увидел, так и побледнел. Вижу, что испугался. А на меня страха и в этот раз не нашло.

Оба раза, я уверен, это был комполэн.

Однажды (после 1955 года) Семен Чеканов ехал с Ингатъи в Пихтовку по Тапу и иногда перетаскивал лодку, чтобы ускорить путь. И вот на одном из перетасков он встретил кого-то. Кто это был, Семен не знает, но этот «кто-то» решил поймать мужика или поиграть с ним. Семен, увидев дерево, сваленное бурей и лежавшее на больших сучках, быстро залез под него. Неизвестное существо попыталось вытащить Семена с одной стороны, но Семен пролез на другую сторону. Так повторилось несколько раз. Семена больше всего поразило, что это существо не обходило дерево, а легко перепрыгивало через громадную крону. После рассказа Семена мальчишки ездили туда, смотрели и удивлялись, веря и не веря услышанному. Предполагали, что Семен встретил в лесу дитя комполэна, которое решило с ним поиграть.

Случалось и многое другое, необъяснимое...

Выходит, что мое поколение совершенно не получило представления о христианской религии, а воспитывалось на местных, проверенных жизнью запретах.

А камень шайтанский заверованный и до сих пор лежит в укромном месте и принимает дары и приношения. Выходит, что мы как были, так и остались язычниками.

Тут и конец истории деревни Тап.

Пихтовка получила свое имя от названия породы дерева. Но нет поблизости ни единой пихты. Деревня находится на берегу речки Сопрытья, на краю соснового бора. Свое название речка получила, вероятно, от слова «сёпр» (глухарь). Хотя на кондинском диалекте мансийского языка глухарь называется «калем» или «колем» («сёпр» - на сосвинском диалекте).

Долгое время это место было пустым. Но в начале сороковых годов жители деревни Ингатъи (по старому произношению «Нингатъи») стали переселяться на новое место и выбрали берег Сопрытьи.

Почему начали переселяться? Ведь вблизи Ингатъи тоже богатые леса, а речки полны рыбы. Дело в том, что к тому времени многое изменилось

в укладе жизни коренного населения, а главное - сменились власть и торговые пути. До образования Кондинского района и Ханты-Мансийского округа жителей далеких таежных деревень-паулей снабжали всем необходимым для жизни заезжие купцы, с которыми торговые связи существовали многие десятилетия. Отчасти и сами коренные жители вывозили для продажи свои запасы: мясо, ягоды, орехи, рыбу и др. С образованием Кондинского района, а позднее и округа, полностью сменилась схема управления и торговли. Прежние торговые связи с Туринским краем оборвались, завоз необходимых товаров в глубинки прекратился - вот и начали жители выезжать оттуда поближе к магистральным рекам, в данном случае - к Конде. Переехали и жители Ингатъи, построив новую деревню Пихтовку. Деревня находилась на дороге, что связывала всю Красноярскую систему озер и речек с Кондой. Самые дальние деревни, что находились на этой водной системе, - Турпавла и Ихернэ. Турпавла до конца своего существования так и осталась Турпавлой («тур» - озеро, а «павла», «пывыл» - деревня). Деревня на озере. Деревня Ихернэ позже стала называться Боровая. Снабжение жителей этих деревень, так же, как и Пихтовки и других, происходило только в летнее время по воде, на лодках. Пихтовка была как раз на пути в Турпавлу.

Что раньше было на этом месте, где поселились бывшие жители д. Ингатъи, никто не знал. Ни легенд, ни сказок не сохранилось. Но все были крайне удивлены, когда при разработке огородов стали находить обломки керамической посуды, копыя, стрелы и др. Об этом мне сообщила Тайлакова (урожд. Бойцова) Анна Ивановна, которая родилась в Ингатъе в 1927 году, а детство провела в Пихтовке. И рассказала о случае, происшедшем в семье Ивановых. Иван Клементьевич Иванов приехал в Ингатъю в конце двадцатых годов, потом со всеми вместе стал перебираться на новое место. По приезде в Пихтовку построил дом и стал разрабатывать огород. Срубил дерево, что стояло на его усадьбе. И вскоре начал болеть его внук, сын дочери, Пашка Чебаев. Весь покрылся коростами, даже глаз не видно. Тут и предположили коренные жители, что Иванов срубил не простое дерево, а шайтанское, и поэтому сейчас через внука получает наказание! Сказали об этом Иванову. Дело было летом, и семья Ивановых посадила вокруг пня разные цветы.

- Я хорошо помню, - говорила Анна Ивановна. - Вокруг пенька всюду цветы. Покаялись вроде бы!

После этого мальчишка стал поправляться и вскоре совсем поправился.

Вспоминает Филатова (урожд. Иванова) Александра Ивановна:
«Меня привезли в Ингатъю в трехлетнем возрасте. После 1930 года

все жители деревни стали переезжать во вновь образованную деревню Пихтовка. Что значит переезжать? Жилые дома, амбары, сараи стали разбирать, свозить все на берег р. Тап и плавить весной, по большой воде по Тапу, а потом по р. Сопрытья около 2 км. И здесь все вытаскивали на берег и собирали дома и прочее.

В Пихтовке, когда отец стал строить дом, распахивать пашню и разрабатывать огород, ему попадались старые монеты, кинжал, копье и даже трехствольное ружье (два ствола внизу, один сверху). И было очень много человеческих костей. Говорили, что здесь, наверное, когда-то была война.

Мы собрали все кости в кучу и хотели сжечь, но нам посоветовали их захоронить. Тогда положили их под черемуховый куст и забыли.

В то время была большая вода, да к тому же пошли сильные дожди. Вода стала еще прибывать. И тут кто-то вспомнил, что кости не захоронены. Захоронили под тем же черемуховым кустом. И только захоронили, дожди прекратились. Началась засуха. Опять про кости вспомнили и, чтобы начался дождь, разрыли их. Только разрыли, пошел дождь!

В то лето несколько раз так делали: надо дождя - кости разроют, надо хорошую погоду - закопают».

Пихтовка просуществовала примерно с 1930 по 1957 год, когда из нее выехали последние жители. По воспоминаниям Александры Ивановны Филатовой, часть их перебралась в Тап, другие (в их числе и ее родители Ивановы Иван Клементьевич и Сусанна Григорьевна) - в Елушкину. Туда же переехала и семья брата Сусанны Григорьевны - Степана Григорьевича Истомина.

Елушкина.
Тосклива.
Манкутад

Все три деревни находились в среднем течении Конды выше поселка Лугового. В сборе материала о них мне оказали помощь Агния Никитична и Юрий Владимирович Мотышевы и бывший председатель колхоза и начальник Елушкинского рыбоучастка Федор Васильевич Саламатов, за что приношу им глубокую благодарность.

Деревня Елушкина (пауль Елыскина) была названа по имени местного шамана Ёлс или Ёлш. Местные жители помнят и старое название деревни - Омкпут, что в переводе с мансийского означает «Серный котел». По преданию, когда-то давным-давно здесь занимались выгонкой смолы и дегтя. До сих пор в бору сохранились небольшие ямы, в которых, якобы, и велись эти работы.

По сведениям Артуро Канисто, все жители деревни принадлежали к одному роду - Елушкиных. В 1902 г. в ней было 14 хозяйств, население пауля насчитывало 68 человек: 29 мужчин и 39 женщин. В соседнем пауле Панкутал жило всего 26 человек. К Елушкиной имела тяготение и деревня Тосклива. Все эти три населенных пункта до начала 20-х годов входили в состав Больше-Кондинской инородческой волости Туринского уезда. Жители их были связаны родственными отношениями.

Есть местная легенда о возникновении пауля Тосклива. Когда-то было очень большое наводнение на Оби, и в д. Панкутал приехала одна семья и попросила приюта. Ее приняли. Но вскоре заметили, что новые поселенцы обовшивели. Тогда местные жители решили поселить их вблизи деревни в 3 км вниз по течению Конды. Помогли обустроиться и тем положили начало деревне Тосклива. По записи А.Канисто, в 1902 году в пауле Тосклива (Тоскильский) значится 6 человек под фамилией Яхтимовы. Впоследствии людей под такой фамилией у нас на Конде не оказалось, местная молва гласит, что они уехали, когда спала вода в том месте, которое они оставили в год большого наводнения. Но, по сведениям того же А.Канисто, в 1902 году в этом пауле поселилось три семьи русских. Это были Филатовы. Последние старики Филатовы - Федор Степанович и его жена Анна Степановна - выехали отсюда примерно в 1960 году. Кроме Филатовых, в деревне жила семья Федора Бородулина. Она была поселена здесь от поселка Лиственничного (колхоз им. Мичурина) для ухода за скотом. Колхоз Лиственничного много лет со-

держал здесь ферму молодняка крупного рогатого скота на прекрасных пастбищах, которые называли Тоскливскими долинами.

Коренное население Елушкиной и Панкутала до организации рыбартели вело натуральное хозяйство. Основным занятием мужчин, как и по всей Конде, были охота и рыболовство. В хозяйствах держали коров, овец, почти у каждой семьи были лошади. Зажиточные хозяйства имели до 4-5 езжалых лошадей, служивших основным видом транспорта зимой. Безлошадных были единицы. Оленеводством здесь никогда не занимались, олень служил только предметом промысла, а вот коневодство для Конды традиционно.

В 1934 или 1935 году в Елушкиной была организована рыбартель имени Сталина. К ней была присоединена и деревня Панкутал. Население же деревни Тосклива не было охвачено коллективизацией и работало в паромном хозяйстве: ставило вехи во время навигации на Конде. Первым председателем рыбартели имени Сталина был Яков Ефремович Першин, он избирался дважды. После него артелью руководили Богданов Евгений Кириллович, Куренев Семен Гаврилович (в военные годы), Рыбин Андрей Федорович, Чикурдин Иван Васильевич (1946-1947 гг.), Мотышев Николай Дмитриевич (1948-1951 гг.) и вновь Рыбин Андрей Федорович (1952-1954 гг.), уже в пожилом возрасте. С февраля 1954 г., после слияния рыбартели им. Сталина и колхоза «Красное знамя» (д. Луговая) новую рыбартель имени Энгельса возглавил Саламатов Федор Васильевич.

В 1957 г. к рыбартели им. Энгельса был присоединен колхоз д. Кипавла «Красный Север», а в следующем году отделен и передан в д. Юмас. В 1959 г. из рыболовецких артелей деревень Тап и Елушкина образован объединенный колхоз имени Карла Маркса с центром в д. Тап, ликвидированный 1 октября 1961 года.

Нельзя не рассказать и про Елушкинский рыбоучасток. В 1943 г. меня отдали в школу д. Елушкиной, где учились все дети Тапа. В интернат меня не отдали, т.к. я не должна была содержаться на казенный счет (наша семья считалась достаточно обеспеченной), и устроили на квартиру к начальнику рыбоучастка Чадову. Жена его, которую звали тетя Пана, была домохозяйка. Это в то время была большая редкость, многие ее осуждали, другие завидовали. Детей у Чадовых не было, поэтому, видимо, они привязались ко мне и очень просили мою мать отдать им меня, обещая дать образование. Но мать не согласилась. Зиму 1943-1944 годов я прожила у них. Их маленькая квартирка сообщалась с конторой. Бухгалтером рыбоучастка работал Саша Баталов. Он давал мне этикетки к рыбным консервам, на оборотной стороне которых можно было писать. Ни учебников, ни тетрадей, ни книг каких-либо в школе не было.

Чем занимался рыбоучасток? Приемкой рыбы от соседних колхозов и ее переработкой. В зимнее время заготавливали и лед. Для этого на реке выдалбливали большие льдины - «кабань» по 300-400 кг и лошадью через блок завозили их в ледник. Этого льда хватало на все лето.

Зимой рыбу морозили. А с открытием навигации изотермическими плашкоутами всю продукцию вывозили в Тюмень и Омск. В летнее время рыбу морозили в камерах, сортировали, укладывали в ящики. Пришедшую изотерму (плашкоут) заряжали льдом, загружали рыбой. Подзарядка изотермы льдом проводилась на попутных рыбоучастках в Устье Аха, Нахрачах, Болчарах, Тобольске, а в Тюмени рыбу перегружали в изотермические вагоны.

Рыба делилась на первый и второй сорта и третью группу, куда шла вся мелочь. Рабочие рыбоучастка принятую рыбу очищали от снега ножами и маленькими метелками. Часть крупной рыбы глазировали льдом. Работы эти проводились только в морозную погоду. Разжигали костер, на него ставили большую колташиху,* наполненную водой, и воду доводили до кипения. Приносили рыбу, предназначенную для глазирования, рабочая брала рыбу, клала в плоский, сделанный из мягкой веревки сак, чтобы не поцарапать рыбу, и опускала в кипяток, где держала на счет «Один, два, три», поднимала и вновь опускала. Три раза нужно было опустить рыбу в кипяток. Мокрую рыбку на морозе мгновенно обхватывала ледяная корочка, и ее осторожно из сака перекладывали на стол. Другая женщина, тоже осторожно, брала рыбку за хвост и ставила в специальное приспособление головой вниз, расправляя плавники. Мороз делал свое дело. Потом всю приготовленную рыбу укладывали в ящики на пергаментную бумагу. Любая рыба укладывалась строго по правилам: рядами, головами в одну сторону. Мастера за этим очень строго следили. Ящики тут же заколачивали и маркировали: когда, где, кто приготовил, для какого вагона предназначена.

Из колхозов рыбу привозили в санях-розвальнях (в сани подстиляли брезент или мешковину, сверху рыбу укрывали этим же брезентом, завязывали веревками) и больших плетеных коробах. Короба изготавливались из тальника, обильно растущего по берегам речек. Таких мастеров было мало. Так, в Тапу короба плел Балакин Ефим Семенович, в Половинке (тогда еще была только одна Половинка, на середине пути между Тапом и Учиньей) - Гуляев (имени и отчества никто не помнит).

История деревни Елушкиной и других деревень Кондинского района будет неполной, если не рассказать об эвакуированных и репрессированных, привезенных к нам с запада. Многие из них уехали после того, как было дано разрешение возвратиться, многим наша кондинская земля стала вечным покоем, а молодому поколению - малой родиной. В колхоз и рыбартели эвакуированных и репрессированных не направляли, работали они в основном в рыбной промышленности.

Елушкинский рыбоучасток был как бы придатком Учинского рыбозавода. Некоторые из эвакуированных жили в Елушкиной, а большинство направлялось в Елушкину на работу из Учиньи, т.е. из Учинского рыбозавода.

* Колташиха - чугунный котел.

Многое ушло в историю. Мало кто теперь помнит фамилии, имена тех, кто в 1941-1945 годах работал в Елушкинском рыбоучастке. Назову тех, кого еще помнят.

Жили в Елушкиной старики Бадали, вроде бы бессарабы. Много было финнов: Таску, Нихти, Коттэ, Лукка. Румын Негрус Иван Федорович с тещей. Жена его осталась на родине, т.к. в момент экстренной эвакуации находилась на учебе. О семье Петрович я уже упоминала. А потом навезли калмыков. Сначала их поселили на Верхнем Бараке. Они работали и в Елушкиной, и в Учинье - в основном в гослове и рыбозаводе. Фамилии их тоже мало кто помнит: Кикеевы, Доржиевы, Манжеев Евдоким.

Примерно в 1937 году в деревне Елушкиной была открыта четырехклассная школа. Первым учителем был Пакин Евграф Павлович. Занятия проходили в бывшей часовне. На все классы был один учитель. Еще до войны Пакин уехал в Нахрачи. После него в школе работали Дубровина Екатерина Григорьевна, Харина Васса Георгиевна, Панаева (по мужу Сапожникова) Валентина Ивановна - все до Великой Отечественной войны. В годы войны и позже работали Павлушева Зинаида Павловна, Чикирдина (урожд. Смирнова) Клавдия Евлампиевна, Мотышева (урожд. Першина) Таисья Яковлевна. С 1949 по 1957 год в школе преподавала Ващенко Галина Семеновна. Кувалдина (Першина) Ольга Яковлевна тоже работала в школе и заведовала интернатом. Мокрова Мария Никифоровна руководила интернатом с 1957 по 1960 г. Работали и другие. А последним учителем в Елушкиной была Новоселова (урожд. Кауртаева) Фаина Лаврентьевна. Елушкинская школа была закрыта в 1970 году - видимо, из-за отсутствия учеников. В последнее время в школе работало по два учителя. Каждый из них вел одновременно 2 класса.

В 3 км от Елушкиной был построен поселок химподсочников под названием Дорожный. Он просуществовал недолго: с 1960 по 1967 год. Была в нем школа. Со 2-й четверти 1963 года она закрылась ввиду того, что там во всех четырех классах осталось всего 9 учеников. Работала в школе до закрытия Кувалдина Ольга Яковлевна.

Когда в Елушкиной был организован медпункт, никто не припомнит. Но в годы войны он уже был. Тогда работала в нем Конева Липа (Клеопатра), в 1948-1950 гг. - фельдшер Занин, а после него - Тамара Андреевна Рыбина. Ее родители уже много лет жили в Елушкиной, отец - Рыбин Андрей Федорович - не раз избирался председателем колхоза.

Ильиных Клавдия Яковлевна (дочь Якова Першина) работала фельдшером с лета 1954 по 1963 г., после нее - Давыденко (Мосговых) Октябрина Михайловна, за ней - Качанова Раиса Артамоновна. Говорят, что кто-то из деревни писал на нее много необоснованных жалоб, было много проверок, и хотя жалобы не подтвердились, ее продолжали преследовать, и бедная женщина не выдержала и отравилась. Р.А.Качанова и ее муж были участниками войны, о них вспоминают с уважением и большой любовью.

До закрытия медпункта в Елушкиной работала Ганина Тамара. У Ганиных было много детей, поэтому они долго не могли выехать из деревни - нигде не было квартиры. Затем получили квартиру в Кондинске, там и живут.

Что же стало с Елушкиной? Магазин и школа закрыты в 1970 году. В том же году рыбоучасток переведен в Учinyю. Приемный пункт рыбы закрыт в 1975 году. Медпункт ликвидирован. Все трудоспособное население деревни стало разъезжаться в поисках работы. Но часть жителей осталась. То были пенсионеры, многодетные, которых никто нигде не ждал, никуда не приглашал и квартир не давал. Вот их неполный список: Елушкина Ефросинья Ивановна, Куренева Елизавета Андреевна, сестры Фирсины Таисья, Анна, Катерина, приехали из ранее ликвидированной деревни Красный Яр Кондинского района, коренные манси, Бойцов Антон Константинович, Бойцова Полина, Немкова Анисья, Иванова Любовь Ивановна, Вискунова Прасковья Яковлевна, семья Мотышевых. К слову сказать, и до сих пор ежегодно все Мотышевы приезжают в Елушкину, где и живут все лето. А Семен Мотышев, старший из братьев, живет там постоянно. По очереди живут с ним и его братья, но основное их жилье в п. Луговая.

Но вернемся к деревне Панкутал (по А.Канисто - пауль Панкуталский). О том, когда в нем впервые поселились люди, наше бесписьменное прошлое уже не расскажет. Но есть интересная местная легенда, которую я услышала давным-давно, да только не было случая ее пересказать.

В 1978 году я участвовала в этнографической экспедиции Омского государственного университета. Тема ее работы: «Верования манси конца прошлого столетия». Ездили мы по самым глухим мансийским деревням (тогда кое-где они еще сохранялись) и вели беседы. Я собирала всевозможные сказки, были и небылицы, старалась записать все, что слышала впервые, и получить подтверждение того, что слышала раньше. Панкутала тогда уже не было, но последние старики этой деревни дожили свой век в поселке лесников Три Конды. Там жила тогда и Анна Леонтьевна Елушкина. Родом она была из д. Амынья, но очень долго жила в Панкутале. Я и у нее спрашивала про огненного змия...

- Да, упал, - подтвердила она. - Пауль образовался. Так и зовут - Панктот.

А вот и сама легенда.

Некогда, давным-давно летел строго с юга на север огненный змий. Долго летел, уставать стал, начал к земле спускаться. Да не смог сразу приземлиться, а начал бороздить землю ногами. Где пробороzdил, там в середине гора образовалась, а по краям - широкая борозда. Так и до равнины долетел, где и спустил «пар». Там, где «пар» спустил, образовались мелководные озера - туманы (Пашинский, Ягодинский, Сатыгинский - по современному названию). Но не смог приземлиться на этой равнине, а полетел дальше, бороздя землю.

И вот там, где коснулась земли голова огненного змия, образовалось поселение - пауль. Эта деревня по-современному называется Панкутал, а на мансийском языке - Пянктовт («панк» - голова, «товт» - огонь). А вот тех, кто прибыл на этом огненном змие и поселился там, где упала его голова, стали называть Матусовыми - Мутосовыми (по-современному - Мотышевы). Это люди другого города, другого мира («мат» - другой, «ус» - город).

Такая вот легенда о Панкутале, которую я слышала от разных людей и собрала по крупицам в единое целое. Кстати, надо сказать, что и в этом веке в деревне Панкутал жили в основном только Мотышевы. Женщины могли выходить замуж и уезжать в другие деревни, а мужчины привозили жен и оставались в Панкутале. Моя бабушка, Евдокия Яковлевна Тайлакова, урожденная Мотышева, всегда гордилась тем, что она из рода Мотышевых и часто напоминала нам об этом. И очень беспокоилась, чтобы фамилию не опозорили.

Фамилию не опозорить! Значит, наши предки берегли честь фамилии. И не только Матусовы - Мутосовы - Мотышевы, но и многие другие.

А про то, что в том Пянктовте слышалось, виделось, казалось - другой разговор. Много непонятно: то кто-то появляется и мгновенно исчезает, то в окно в ночное время множеством огоньков-глаз заглядывает, то звуки-стоны сами по себе по лугам гуляют.

Таков он, Панкутал, ныне не существующий. А находился он примерно в 0,5 км от Конды на левом берегу, у старицы. Старица эта дугой обходила клочок земли, где была деревня. И земля, в отличие от других деревень, очень плодородная - большой слой чернозема.

В своих заметках о деревнях среднего течения реки Конды я, кажется, рассказала все: кто жил, как жили, чем занимались, когда и почему закончили свое существование деревни-паули. Но не рассказала о духовной жизни, которая тесно связана с Природой и внутренним состоянием человека, его души.

Кому молились, поклонялись, кого просили о помощи жители д. Елушкина?

Я упоминала про часовню. Да, была построена, но действовала ли? Никто не помнит... А вот про «заверованные» лиственницы все знают. К ним ходили и ходят на протяжении веков. Значит, поклонялись дереву? Выходит, что мы язычники.

Одна из древнейших летописей - Софийская, написанная в 1398 году, повествует о том, что «и молятся они странно: то дереву поклоняются, то камню иссеченному, а то Золотой бабе и Болвану Войпелю». Шесть веков разделяют нас и древнего летописца на реке времени, а мы по-прежнему, не растеряв веры, поклоняемся дереву, камню, духам предков, помним о Золотой Богине. Правда, Болвана Войпеля потеряли, нет о нем воспоминаний ни в сказках, ни в небылицах. А может быть он, Войпель, просто сменил имя? В верованиях манси есть такое, что напоминает нам о Войпеле.

Но вернемся к деревне Елушкиной. Напомню: название деревни произошло от имени шамана. Ёлс или Ёлщ... Что же это значит? Есть в мансийском языке такое ругательство: Ёлнаер! (Не вздумайте его произносить в обществе коренных жителей). «Ёл» - это лесной дух и поминать его без нужды не следует, а то, чего доброго, явится и натворит беды! А вот «наер» - это владыка, царь, властелин. Одним словом - Хозяин! Чего и кого? А всего, что окружает человека как в видимом, так и в невидимом мире. И все Ёлушкины - потомки того Ёлс (Ёлщ). И все каким-то образом связаны с тем, другим миром. Если не напрямую, то генетически они сохранили память о своем духе-предке. Доказательство тому - поклонение «заверованным» лиственницам.

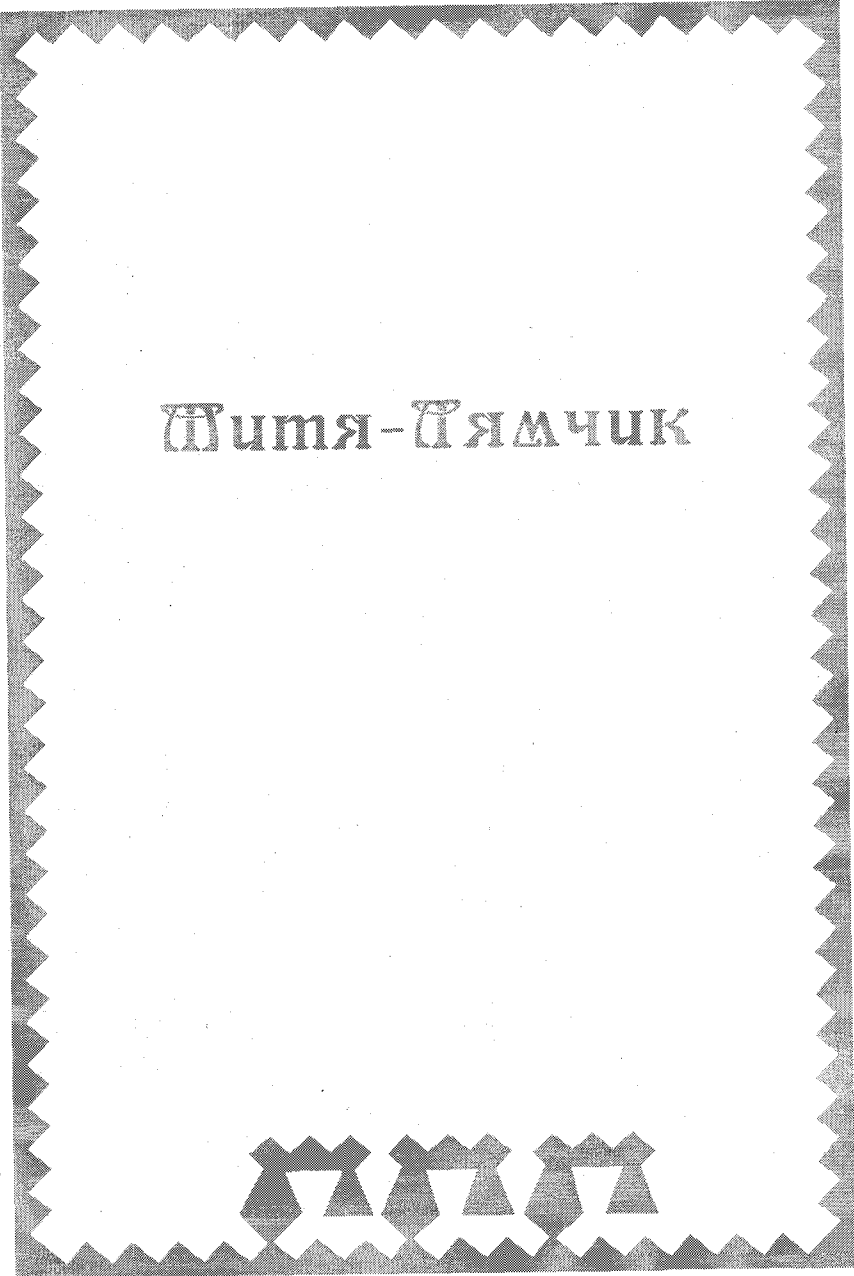
«Заверованные»... По-моему, это на русский лад: от слов «вера», «верить». Но эти лиственницы до сих пор еще называют шайтанскими или «шайтан-дерево». Шайтан - это злой дух, дьявол, то же самое, что у русских черт. Здесь следует напомнить, что у нас в Конде, кроме шайтан-дерева, есть еще и шайтанская гора и даже шайтанский ручей, из которого пить воды нельзя! Но от черта наш шайтан отличается тем, что больше делает добра, если его об этом просят. А злом воздается тому, кто приносит вред человеку или Природе. Кто знает, может быть Болван Войпель за последние шесть столетий сменил свое имя Войпель на Шайтана?

Итак, есть в деревне Ёлушкиной, как и во многих других деревнях-паулях, деревья, коим поклоняются, приносят дары и даже жертвы. Никто из местных не пойдет с пустыми руками к этим деревьям, это знают все. Лиственницы две: «Дед» и «Баба». Дед стар, ему не менее 300 лет, и борода его седая (точнее - вершина сухая). И стоит он на бугре, окруженном рвом. А вот баба помоложе. Стоит рядом со рвом. Женщины отдают знаки уважения бабе, мужчины - деду. И всегда возле этих деревьев следы приношения: монеты, тряпочки, шали, платки, куски ткани, остатки пищи.

Никто из местных не смеет взять ничего из того, что там находится. За нарушение обычая расплата приходит быстро: внезапная болезнь! Выходит, что здоровьем человек рассчитывается за то, что нарушил обычаи предков. Чаще всего такие казусы бывают с детьми, и тогда при внезапной болезни сразу же спрашивают: где был? что взял? И тут же заставляют вернуть взятое на место (хоть днем, хоть ночью), да еще приносят выкуп или жертву: петуха или курицу у шайтан-дерева забивают, или овцу, или теленка.

И в наши дни некоторые жители деревни Елушкиной при тяжелых болезнях близких приезжают к «заверованным» лиственницам, привозят в жертву овцу или петуха, просят о выздоровлении. И помогает!

Во многих местах Севера наши святые места оказались разграблены, осквернены. Поэтому мы скрываем их и по-прежнему поклоняемся огню, воде, дереву, камню, духам предков и помним о Золотой Богине. Ведь мы язычники.

Шитя-Тямчик

День обещал быть добрым. Во всю ширину неба заря. Воздух пахнет морозом. «Надо спешить, - думает Митя, вставая на охотничьи лыжи и оглядывая окрестности, - а то и к вечеру до дому не доберусь». По пути, как всегда, прошел мимо «заверованных» листовниц, мысленно прося удачи и доброго пути. Путь предстоял долгий. Там, в Нюхамье, а по нынешнему Пантрашкиной речке, в карусах лежали брусника и клюква.

Обычно по перевозимью всей деревней вывозили на лошадях запасы ягод на зиму. А сейчас и тихо, и мертво в деревне, да и во всей округе. Никого не осталось. Только вот он с женой Мотей. И все еще Митя надеется, что не могут люди навсегда покинуть эти места, где веками жили их предки. И сейчас здесь есть все, что душе угодно: ягоды, орехи, грибы, птица боровая и перелетная. А про рыбу и говорить нечего. Круглый год хоть из окна лови. А оетов* - на десятки километров во все стороны! Да только каждый год все пропадает.

Хотя нет, не все. С ранней весны до поздней осени сюда едут отовсюду: из Каменска, Свердловска и других мест. Никан не может понять Митя своего городского знакомого Веньку, Вениамина Петровича, как он себя называет: зачем ему столько ягод, грибов, рыбы? Живут вдвоем с женой, а сам все лето, каждую неделю уезжает отсюда с полным рюкзаком и чемоданом. Но человек он хороший. Продукты разные привозит, хлеб, всем делится. А про водку и говорить нечего. Никогда Венька один не пьет. Всегда угостит. Правда, после этого весь улов рыбы в его рюкзаке окажется, ягод в бочке уменьшится. Но что сделаешь? Пьяный Митя добрый, все что ни есть отдаст. Да только Венька много не берет - так, самую малость, по-дружески. Не ехать же ему домой к бабе с пустым рюкзаком и чемоданом.

* Оет - заливной луг.

Привычно для уха скрипят лыжи, ощущается приятная тяжесть от ружья за спиной. С детства знакома дорога через реку, потом - берегом урая*, согрой**, болотом. А там и бор, где из поколения в поколение передавалась вотчина. Там избушка. Душой отдыхает Митя в лесу, не может жить без него. Как уедешь? Как оставишь?

И потянулись думы-мысли, цепляясь одна за другую, о родной деревне, ее людях. Вот ведь как хорошо жили! Ты всех знаешь, тебя все знают. И его, Митю, тогда никто Лямчиком не называл, а по имени отчеству величали: Дмитрий Михайлович! Знатный охотник! Удачливый рыбак! А он в вотчине своих предков, как у себя дома: знает что взять, где, сколько, когда.

Народу в деревне было много, все в колхозе работали, а потом и рыбоучасток на берегу реки выстроили. Целый поселок образовался. И все свои работали, деревенские, и всем в деревне места хватало. Большой скотный двор, конюшня. Ферму серебристо-черных лисиц выстроили. Богато жили, весело. Молодежи много. Где ни учатся, а после учебы дома живут. Тогда и слова такого никто не знал - «тунеядец» или «бич».

- И почему Ванька-Суровейка бичом стал? - думает Митя. - Ведь кто-то из наших придумал эту кличку - за то, что после закрытия колхоза с одного места работы на другое переходил, да так и не остановился нигде.

Суровейка. Сурвый - рябчик, по-нашему. А ведь был в колхозе конюхом. Да каким! Лучшим из лучших! Лошади у него, как игрушки. Что и говорить, любил лошадей. Дом свой, пятистенный, жена Дуся дояркой работала, дети росли. А потом лошадей и коров передали в рыбоучасток и угнали. Лисоферму вывезли. Не стало колхоза. Остался рыбоучасток, но и он без окружающих колхозных деревень недолго просуществовал. А народу где найти работу? Вот и посыпались, как горох из перспелого стручка, кто куда.

А у всех семьи, дети, старики на руках. Попристроились, кто где сумел. Те, что побойчее да половчее, и квартиры получили, и к новой жизни как-то пристроились. В основном на лесоучастке, потому что ничего другого в округе не было. Но и таких, как Суровейка, много. Лесных работ не знают, да и душа к ним не лежит. В деревне-то раньше как было? На дрова только сухостой брали. Сушняк. Живое дерево на дрова не рубили. А сейчас? В лесах, по берегам рек и ручьев, по оету сколько срубленных деревьев валяется! Никто их не убирает, каждый год в половодье еще больше наносит. Как пойдешь помогать это делать,

* Урай - старица. Слово «урай» образовано от мансийского «вырий», что дословно означает «река, не имеющая выхода (устья)».

** Согра - предболотная местность.

лес живой губить? И так весь вырубили. Лесоучасток соседский уже закрыли, пришлые давно уехали, остались только наши, местные - в основном, манси.

Суровейка обещал приехать, просился вместе порыбачить. Он где бы ни был, а сюда как домой едет, хоть и деревня пуста. И на конюшню обязательно ходит. Не может не сходить.

От дум, однообразной дороги устал Митя. Сел на пенек и тут вспомнил смешную и грустную историю про Ваньку, когда тот еще не был Суровейкой, а был просто Ванька - конюх.

Когда вывезли весь скот из деревни, каким-то образом вырвался и прибежал домой мерин Карько - прямо к дому Ивана - и давай ржать. Ванька к нему, обнимает, плачет, гладит. А мерин будто понимает, обнюхивает, голову на плечо кладет, губами мягкими лица, рук касается. Так и остался жить в деревне. Зимой воду, дрова на нем возили, всей деревней кормили, холили. Но узнал про это начальник участка и приказал мерина сдать на бойню.

Вот тут и началось. Как только услышат шум мотора, давай его прятать. Посреди деревни амбар стоял, полтораэтажный такой, шайтанский. Однажды приехали за Карьком, а его деть некуда, не успели в лес отвести. Куда спрятать? Дворы-то все осмотрят. Иван и додумался. Открыл сарайчик, зашел и давай Карька звать. А сарайчик низенький, дверь малюсенькая. Да, видно, услышал Карько мольбу в голосе Ивана, залез за ним. Их - на замок амбарный. Так и сидели вдвоем, пока посылные не уехали. А потом Карько и сам знал. Как кто чужой появится поблизости, а лошади чутки, Карько к Ивану. Тот амбар откроет, мерин залезет туда и лежит, будто его и нет.

Долго берегли, да не уберегли. Увели все-таки Карька. И Иван уехал вслед за ним. Весь их род исстари лошадьми занимался, вот он и бредит ими до сих пор. Нового дела по душе не нашел. Суровейкой-рябчиком стал, значит, а сейчас и еще краше - бич! И занимается Иван-конюх, ставший Ванькой-Суровейкой, чем бог пошлет: где рыбы половит - продаст, кому сено покосит, кого летом по ягоды в заветные места сводит. Жить надо, есть надо.

И его, Митю, тоже прозвали Лямчиком. А за что? Лямчик - значит «старый, непригодный». А может и правда уж для людей он ненужный? А как оставишь свой край? Все в нем есть. Боровую дичь везде в округе повыбили, тока уничтожили, а здесь она есть, хотя и меньше, чем было. Знает Митя и глухариный ток, но никому о нем не говорит и сам старается не показываться ранней весной в этих местах. Может, и сохранятся глухари и копалухи, пальники и полоушки.

Глухие здесь места. Озера богаты рыбой. Карася надо - иди на карасье озеро, окуней - на окунево, шук - на шучье. И даже линь здесь есть. Единственное место в нашем крае, где водится эта вкуснейшая рыба. Барсуки и лисы, лоси и олени, дикие серые гуси и красавцы белые лебеди.

Болит душа у Мити за родной край. Осенью тянутся сюда охотники, а вернее браконьеры, отовсюду. Вон ондатру почти всю выбили. След соболя - редкость. А белка что? Это проходящий зверек. Леса настоящего нет, кормиться нечем - вот и не останавливается. Лоси и олени пока есть. Но им, чтобы зимой укрыться, лес нужен. Хороший лес, густой. Ходят они стадом. А раз леса хорошего нет, значит, их далеко в округе видно. И с вертолетов, во все стороны летающих, тоже видно.

Года два назад приметил Митя стадо оленей голов на 50. Ну, думает, пусть пасутся. К весне голодно будет, тогда и можно парочку-другую взять. Приручил к себе. Вблизи от стада не стрелял, зря не шумел. Олени пасутся, и он рядом ходит. Так зиму и прожили. Да не он один пас это стадо. Вертолеты часто над этим районом пролетали и, видимо, с них тоже стадо заметили. А в один предвесенний день, когда чарым* образовался и оленям не уйти далеко, налетел вертолет на стадо и погубил его. Не было в тот день там Мити, не видел он своими глазами этого побоища. Только приметил из деревни, что вертолет туда что-то часто летает. Что, думает, такое? Деревень там нет, рыбаков на озера не забрасывали. Да и весна. Какая сейчас рыбалка?

То, что увидел Митя спустя два дня, не мог в страшном сне увидеть. Гора голов, ног, внутренностей. Вот и все, что осталось от «его» стада. Выходит, зря всю зиму пас, берег, охранял, боялся спугнуть, ни одного оленя не взял. А их вот так, разом, всех уничтожили. Нельзя уезжать Мите. От вертолетов не спасешь, ясно, а вот от браконьеров... Тут уж как сумеешь. А больше хитростью. Нахвалишь то место, где пусто, индого рыбалкой сманишь, сам поводишь по пустолесью, а трусливого и припугнешь. Нет, нельзя уезжать! Пусть и Лямчиком зовут, а уезжать нельзя. Людям-то он и Лямчик, а вот лесу, зверям, птицам он, Митя, друг. А друзей в беде не оставляют.

Вот и избушку уже видно. Митя смотрит на стоящее над лесом солнце, прикидывает, успеет ли попить чаю перед обратной дорогой.

Все на месте, все хорошо. После короткого отдыха Митя насыпал ягоды в мешки, два положил на связанные лыжи, третий, наполовину наполненный, прикрепил к нэпке** и по своей только что проложенной лыжне пошел назад к деревне. «Надо поспешить», - думает Митя, - а то

* Чарым - твердый наст, образующийся после первых теплых весенних дней.

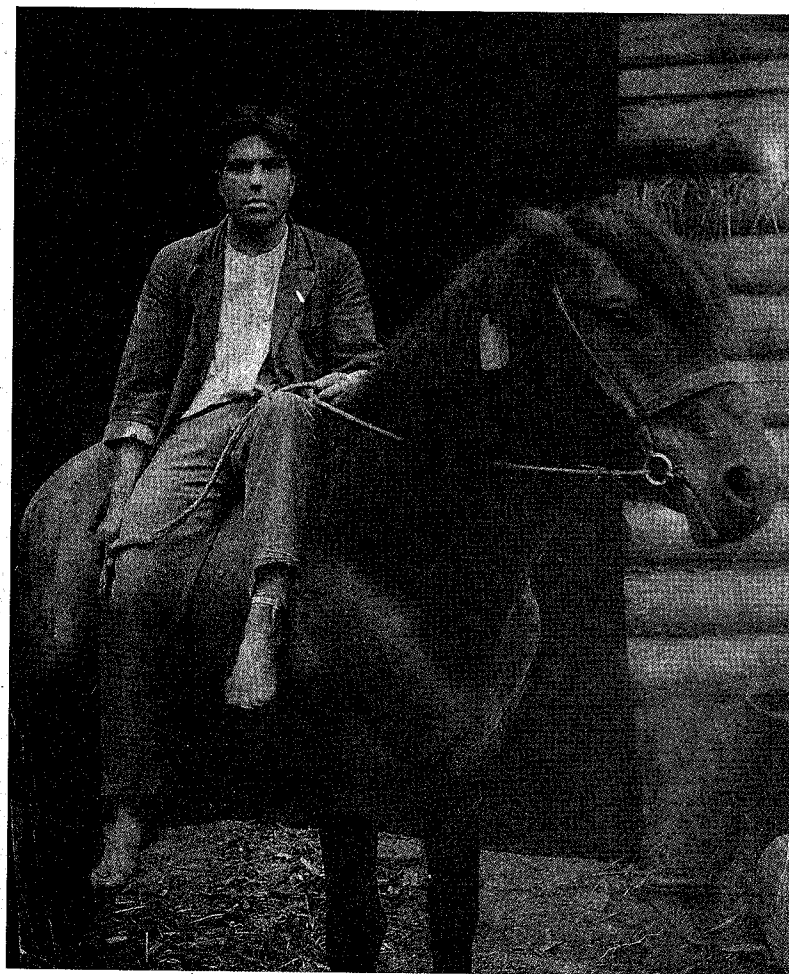
** Нэпка - заплечное приспособление для переноски груза.

бабе страшно одной в деревне. Вот ведь как воет ветер по ночам в проводах. Света давно нет, а провода на столбах висят и по ночам, особенно в непогоду, так жалобно завывают, что душа болит».

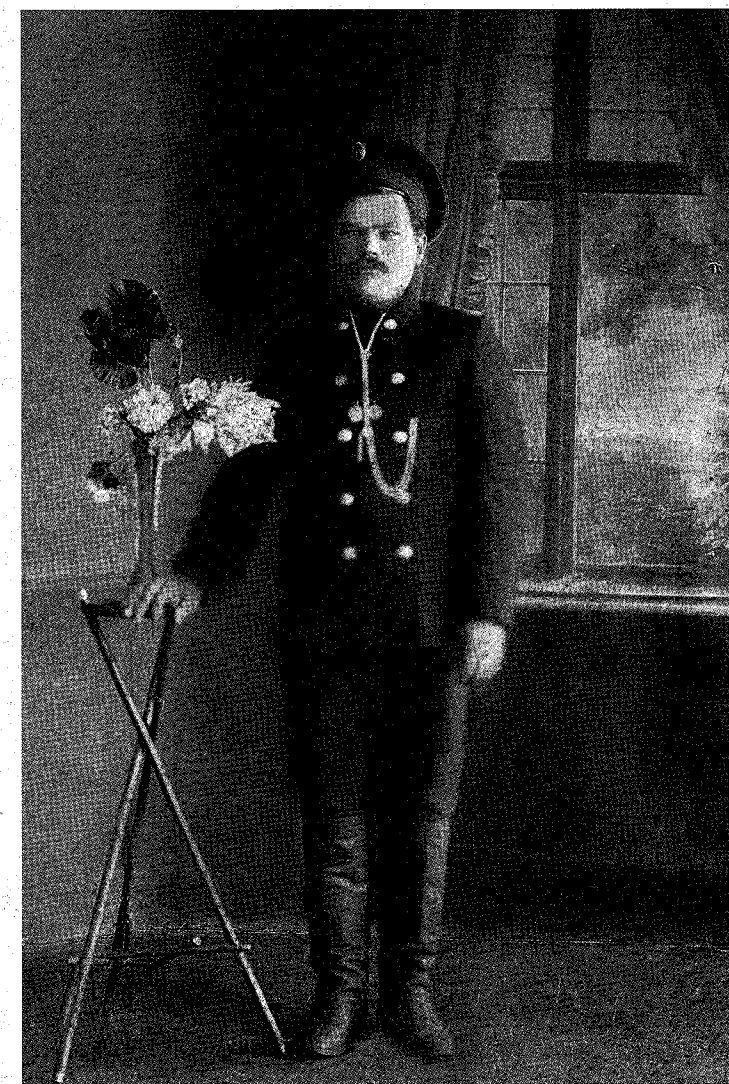
Уже в сумерках, при полной луне, Митя подходит к своей деревне. Вот она, вся как на ладони видна с бугра «заверованных» лиственниц. Порывистый северный ветер подхватывал и кружил возле печных труб снег, луна светила и отражалась в окнах домов. На миг показалось Мите, что жива деревня: свет в окнах, дым из труб. Набежавшее облако закрыло луну, и враз все померкло, только в одном из домов через мглу светил слабенький огонек. Там и ждала его единственная родная душа, жена Мотя.

Кауртаев Филипп Иванович с женой Домной Викторовной
(урожденной Овешковой), 1905 г.

Кауртаев Андрей Филиппович
(1909-1943)

Кауртаев Дмитрий Иванович (1883-1937)
во время военной службы
в г. Тайга Томской губернии, 1905 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) *Журицаев Филипп Иванович*

умер(ла) *10/11-1937* *Десятого числа*
ноября *Земляной* *тридцати*
сорока *года*

в возрасте *62* лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 98 года *нояб* месяца *15* числа

произведена запись за № *5-6*
Причина смерти *Рассстрел*

Место смерти: город, селение *Тюльское*

район
область, край *Тюменская*
республика *Россия*

Место регистрации *Жокаревский рай ЗАГС*
Тюменская *область*

Дата выдачи *15* *нояб* *19 98*

Специальный отдел (бюро)
М.П. *Жокарево*

И.П.И. № 250979

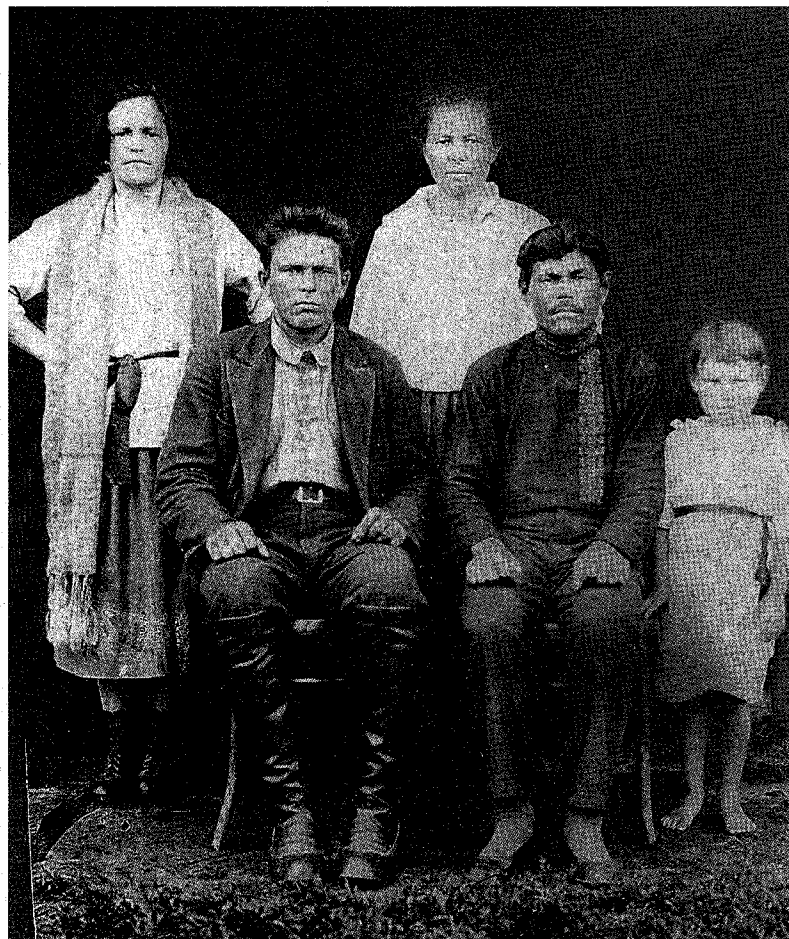
Жители д.Учинья.
Стоят (слева направо): Вискунова Любовь Филипповна,
Сатыгина Агриппина Филипповна,
Овешкова Евдокия Михайловна. 1928 г.

Кауртаева Наталья Филипповна,
дочь Филиппа Ивановича Кауртаева,
д. Учинья (1916-1943)

Жители д. Половинка, 1932 г.

Жители д. Силава.
В первом ряду справа — Гришкин Александр Яковлевич,
бессменный председатель колхоза в Силаве
со дня его образования до закрытия, 1933 г.

Тайлаков Александр Михайлович
(отец автора книги)

Коллектив рыбоучастка и население д.Елушкина. 1951 г.

Школьники д.Елушкина. 1940 г.

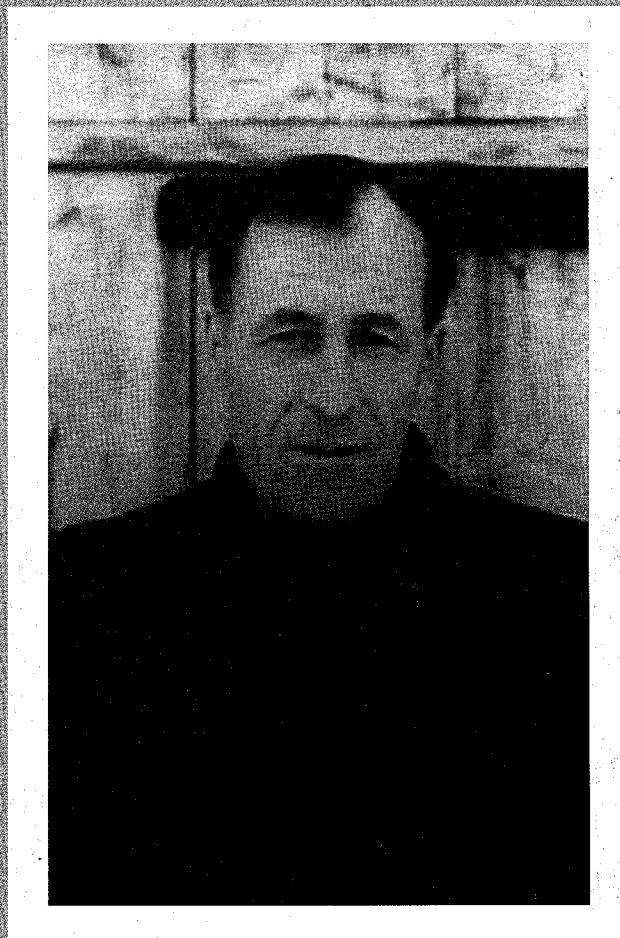
Женщина в д. Тап, 1950 г.

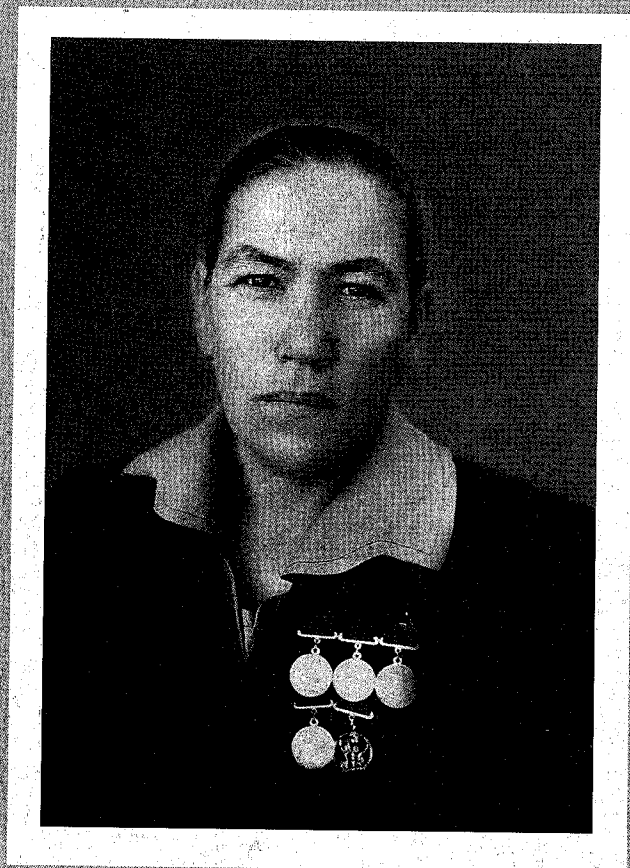
Жители д. Тап, 1951 г.

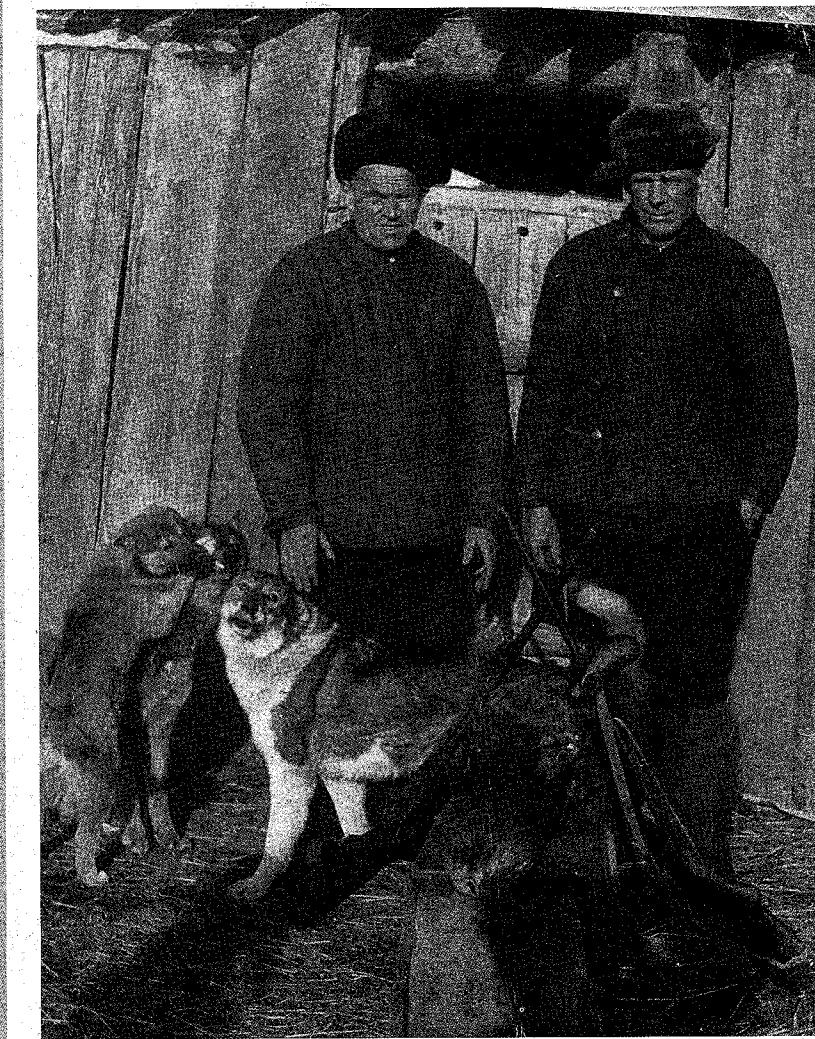
Кауртаева (Тайлакова) Анастасия Филипповна,
зооветработник колхоза им. Карла Маркса д.Тал,
во время учебы в сельскохозяйственной школе
г.Ханты-Мансийска в 1953 г.

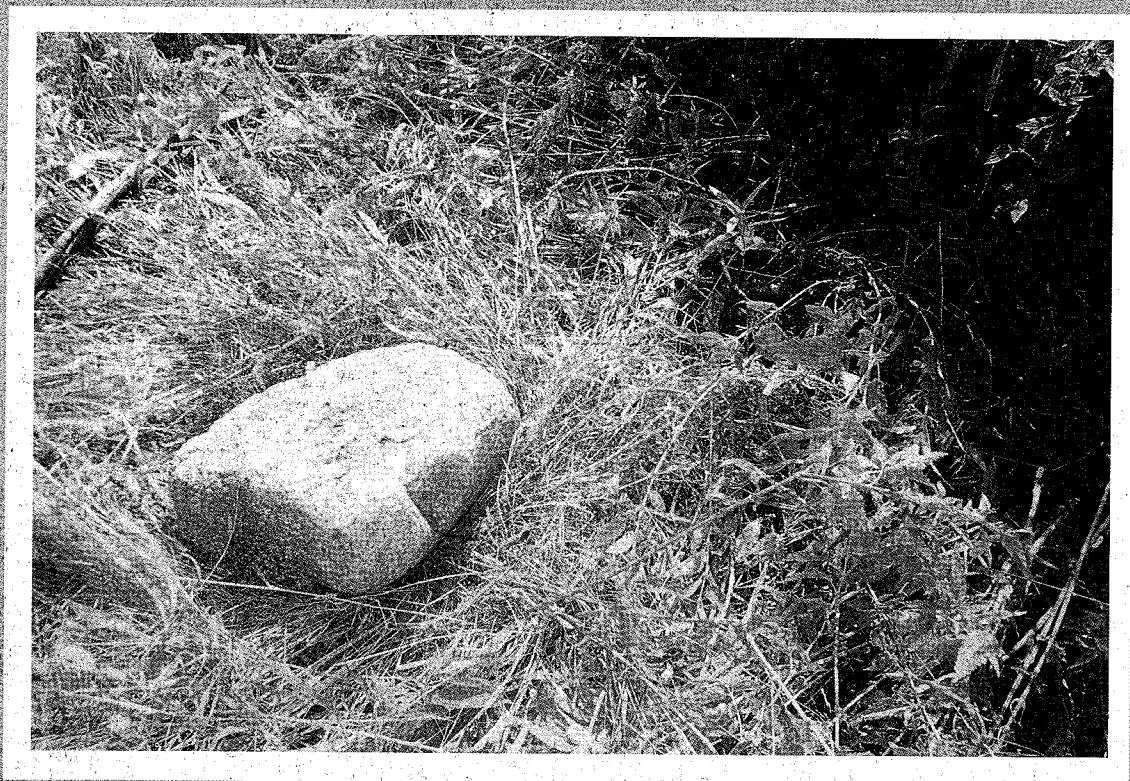
Шилов Александр Иванович,
директор Кондинского рыбозавода. 1950 г.

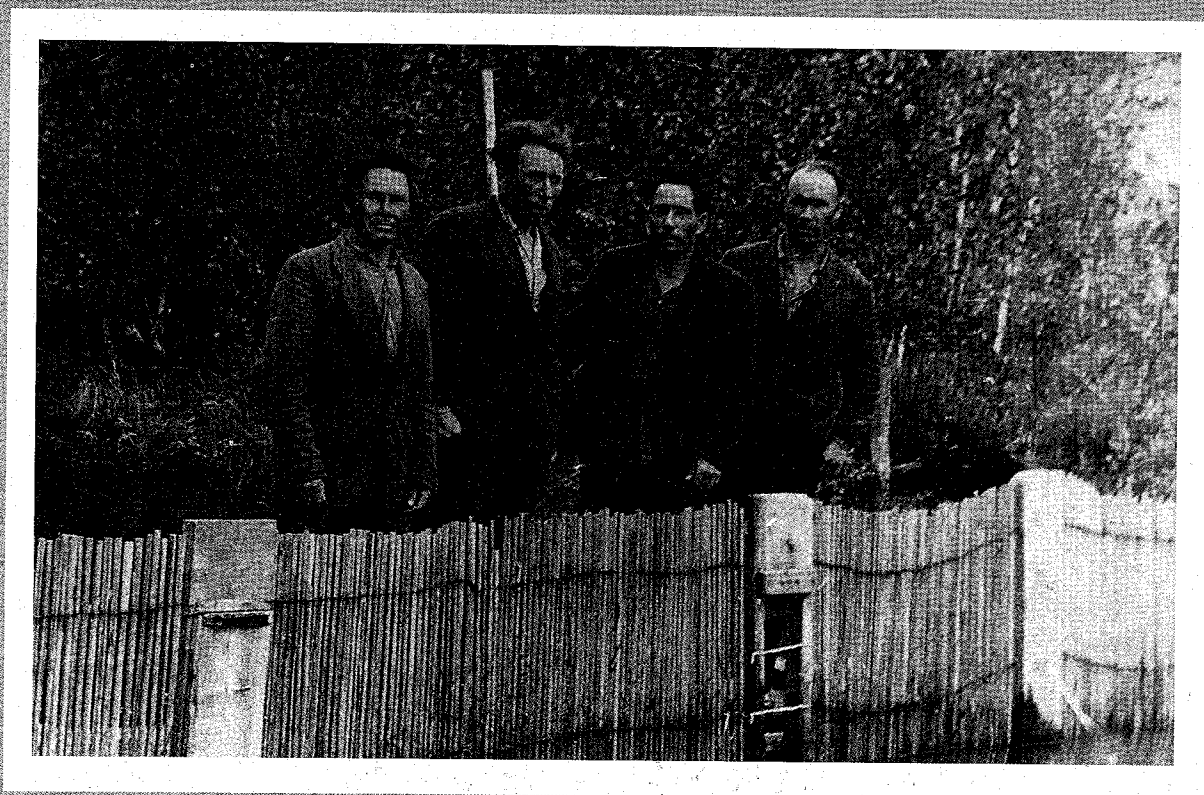
Зверовод Куренева Фекла Петровна,
участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1952 г.

После удачной охоты.
Слева — Богданов Александр Кириллович,
житель д. Тап. 1955 г.

Шайтанский камень – предмет поклонения жителей д.Тал

д.Тал. У запора на устье речки Таилаковской. 1969 г.

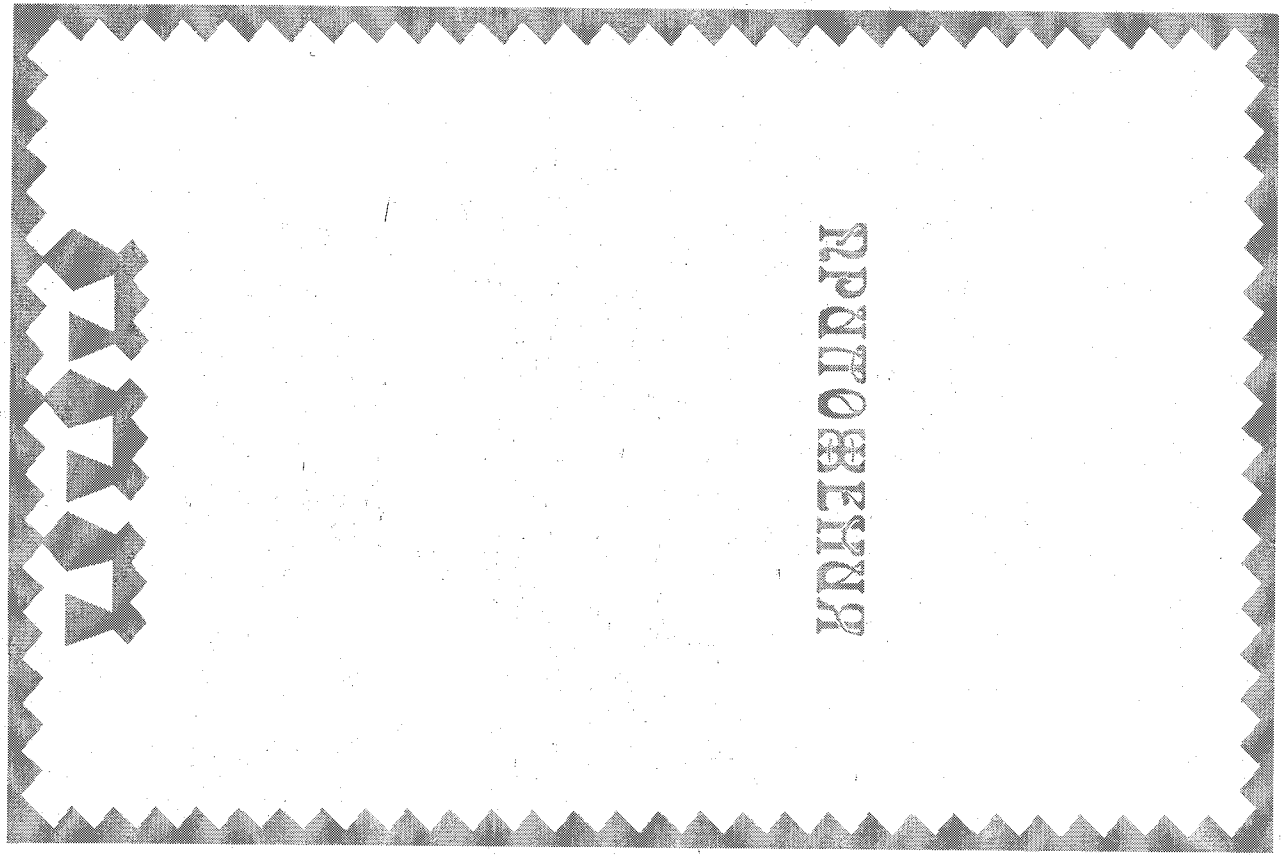
Сестры Кауртаевы, дочери Филиппа Ивановича Кауртаева из д. Учинья. Слева направо: стоят Вискунова Любовь Филипповна (1906-1995), Кауртаева Анастасия Филипповна (1912-1998), сидят Серебренникова Глафира Филипповна (р. 1918), Сатыгина Агриппина Филипповна (р. 1903 г.)

д. Гап летом 1997 г.

д.Тал. Деревенский бор

Приложение 1

О колхозе «Северный рыбак»

(справка архивного отдела администрации Кондинского района)

Согласно «Плану посева зернобобовых культур на 08.05.41 г.» колхоз ничего не сеял, хотя брал обязательство на посев озимой ржи на 1 га, но фактически план не был выполнен. На данный период в колхозе было 22 хозяйства.

Из «Вспомогательной таблицы по подсчету заключительных отчетов об итогах сева под урожай 1940 года» видно, что в колхозе «Северный рыбак» было хозяйств - 37, посеяно осенью 1939 года ржи - 2,00 га, в текущем году посеян овес 3,00 га, картофеля - 2,00 га.

Из отчета «Численность скота по сельским советам» - деревня Пихтовка: всего хозяйств - 20, у колхозников: коров - 10, прочего крупного рогатого скота - 5, овец - 4; у рабочих и служащих: коров - 8, крупного скота - 6, овец - 12; у единоличников ничего нет.

Из отчета «Учет трудоспособного населения по колхозам на 01.01.46 г.» - «Северный рыбак»: всего хозяйств - 29, всего населения - 94, трудоспособного - 31, рыбаков - 12, охотников - 2, сельскохозяйственных рабочих - 3, животноводов - 4, лесозаготовителей - 2, прочие - 8.

Из отчета «Сведения о численности населения по национальности на 01.07.46» по д. Пихтовка: всего населения: мужчин - 76, из них русские - 22, ханты - нет, манси - 48, румыны - 6; женщин - 95, из них русские - 26, ханты - нет, манси - 60, зыряне - 1, румыны - 8.

По данным статистики на 01.07.46, в д. Пихтовка было 24 дома, хозяйств - 49, населения - 171 человек.

Основание: ф. 3, оп. 1, ед. хр. 1, 6, 19.

Приложение 2

Выписка из протокола № 2 заседания

Сатыгинского сельского совета, состоявшегося 3 августа 1924 г.

Подыскать помещение для школы в д. Учинья. Подыскать помещение, отопление и освещение за свой счет, а содержание учителя и учеников и пр. необходимых пособий от государства.

Постановляет просить разрешение у Кондинского района об открытии избы-читальни в д. Учинья, ввиду того, что население само желает иметь таковую, и уже часть населения сама выписывает газеты. Избу-читальню желательно иметь при школе. На т. Цехнова Г.С. по его согласию и желанию [возложить] заведование таковой. Освещение население берет на себя.

В случае прибытия новой учительницы и занятия свободных помещений в школе избы-читальню перенести в сельский совет.

Приложение 3

Опись имущества, произведенная у гр-на Кауртаева Фил. Иван. членом совета Кауртаевым Ал. Фед. с понятыми Петрушкиным П.М. и Кауртаевым Пр. Макар.

П/п	Наименование имущества	К-во	На сумму
1.	Дом пятистенный	1	350 р.
2.	Амбар шестистенный	1	150 р.
3.	Погреб	1	60 р.
4.	Двор пятистенный	1	150 р.
5.	Баня	1	16 р.
6.	Поднавес	1	25 р.
7.	Ворота старые	2	10 р.
8.	Столов мален.	3	6 р.
9.	Столов больших	1	5 р.
10.	Стульев простых	5	7 р. 50 к.
11.	Диван	1	5 р.
12.	Кровать железн.	1	5 р.
13.	Кровать деревян.	1	2 р. 50 к.
14.	Комод старый	1	15 р.
15.	Часы стен.	1	15 р.
16.	Зеркал	2	10 р.
17.	Машина швейная	1	40 р.
18.	Гармонь старая	1	10 р.
19.	Ящиков маленьк.	2	2 р.
20.	Ящиков больших	1	5 р.
21.	Тазов медн. мален.	1	1 р.
22.	Самоваров старых	2	20 р.
23.	Кадок водовозн. больш.	2	6 р.
24.	Кадок маленьких	2	3 р.
25.	Весы простые	1	3 р.
26.	Ржи	9 п.	?
27.	Самопрялка старая	1	50 к.
28.	Пологов	2	-
29.	Поперечная пила	1	3 р.
30.	Седло	1	3 р.
31.	Опоск выдел. (шкурка молоч. теленка)	1	2 р.
32.	Овчина выделан.	-	-
33.	Якорь	1	3 р.

П/п	Наименование имущества	К-во	На сумму
34.	Режевка стар (ая)	5	1 р.
35.	Колунов старых	5	5 р.
36.	Саипов (лов. для рыбы)	2	5 р.
37.	Кожы (сырые)	1	10 р.
38.	Пила маховая	1	6 р.
39.	Пешней	2	1 р. 50 к.
40.	Топоров	1	2 р.
41.	Плуг однолемешн (ый)	1	[нрзб]
42.	Борона старая	1	50 р.
43.	Невод 50 сажен	-	20 р.
44.	Камки	10	15 р.
45.	Лошадей меринов	2	220 р.
46.	Жеребенок	1	3 р.
47.	Коров дойных	1	35 р.
48.	Нетелей 2-х лет	1	20 р.
49.	Бычок 1,5 лет	1	10 р.
50.	Телок	2	6 р.
51.	Овец	3	9 р.
52.	Ягнят	1	50 к.
53.	Свиней (подсвинки)	3	6 р.
54.	Хомутов со шлеями	2	20 р.
55.	Хомут старый со шлеей	1	5 р.
56.	Седелка	2	3 р.
57.	Узды старые	2	5 р.
58.	Дуги старые	2	4 р.
59.	Саней	4	40 р.
60.	Дровен	2	4 р.
61.	Рогожи	6	12 р.
62.	Попоны	2	2 р.
63.	Кедровка старая	1	10 р.
64.	Осиновка новая	1	5 р.
65.	Осиновка старая	1	3 р.
66.	Литовок новых	2	2 р.
67.	Литовок старых	2	1 р.
68.	Малица	1	40 р.
69.	Калташиха	1	1 р. 50 к.
70.	Бутыль для керосина	1	3 р.
71.	Ларь	1	10 р.
72.	Часы серебряные	1	10 р.

Все имущество оценено на сумму одна тысяча пятьсот двадцать пять рублей 50 копеек (1525 р. 50 к.).

15 марта 1930 г. д. Учинья Сатыгинского с/совета
Основание: ГАХМАО, фонд 159, оп. 1, дело 54, лист 98.

Приложение 4

**Жители д. Елускина
(По данным Артуро Канисто. Не позднее 1902 года)**

Елскин Александр Александрович, жена, мать, сын, брат, старая женщина	6 ч.
Елскин Дмитрий Павлович, жена, сын, дочь, сестра	5 ч.
Елскин Гаврил Васильевич, жена, сын, дочь	4 ч.
Елскин Иван Матвеевич, жена, две дочери	4 ч.
Елскин Иван Николаевич, жена, брат, два сына, дочь, мать	7 ч.
Елскин Ефим Степанович, жена	2 ч.
Елскин Константин Михайлович, жена, сын, две дочери	5 ч.
Елскин Матвей Иванович, жена, два сына, дочь	5 ч.
Елскин Михаил Николаевич, брат, мать	3 ч.
Елскин Михаил Васильевич, жена, брат	3 ч.
Елскин Петр Васильевич, жена, 3 дочери, внучка, внук, сестра	8 ч.
Елскин Савелий Иванович, 2 чел. мужчин, жена и 2 дочери	6 ч.
Елскин Сидор Павлович, жена, 3 дочери, сестра, дочь сестры	7 ч.
Елскин Тимофей Гаврилович, жена, сын, дочь	4 ч.

Хозяйств - 14. Мужчин - 30 чел. Женщин - 39 чел. Всего - 69 чел.

**Жители д. Ёлушкина
в 1940 г. (По сведениям Мотышева Ю.В. и Мотышевой А.Н.)**

52

Богданова Акулина		Умерла в д. Ёлушкина в годы Великой Отечественной войны. Семья Богдановых приехала жить в деревню примерно в 1924 году из Ленинграда. Глава рода Богданов Кирилл умер на озере, вблизи д. Ёлушкина, где и похоронен (Стариково озеро).
Семья Богдановых:		
Богданов Кирилл Кириллович		Без вести пропал в годы войны.
Богданов Евгений Кириллович		Участник Великой Отечественной войны. Умер в д. Сатыга.
Богданова Феоктиста		Жена Евгения.
Богданов Владимир Евгеньевич	1925 г.р.	Участник Великой Отечественной войны. Живет в Киеве.
Богданова Полина		Сноха Евгения.
Богданов Александр Кириллович		Участник Великой Отечественной войны. Последнее время жил в д. Луговая, где и умер.
Богданова Агния (урожд. Кузнецова)		Жена Александра. Умерла в д. Луговая.

Их дети:		
Фаина	1933 г.р.	
Валентина	1935 г.р.	
Василий	1939 г.р.	
Богданова Анна Кирилловна	(1916-1959)	Умерла в д. Ёлушкина.
Башлыкова Клавдия Семеновна		
Давыденко Георгий Михайлович	(1921-1995)	Участник Великой Отечественной войны. Умер в г. Урае.
Давыденко Валентин Георгиевич	1940 г.р.	
Ёлушкин Иван Николаевич	(1872-1947)	Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкин Никита Иванович	1900 г.р.	Без вести пропал в годы войны.
Ёлушкин Павел Иванович	1923 г.р.	Без вести пропал в годы войны. Учился, был направлен в д. Мокровка счетоводом, откуда и был взят на фронт.
Ёлушкина (урожд. Тайлакова)		
Елизавета Антоновна	(1903-1985)	Умерла в п. Половинка.
Ёлушкина Ефросинья Ивановна (сестра Никиты)	(1919-1977)	Умерла в д. Ёлушкина.

53

Дети Никиты и Елизаветы Ёлушкиных: Ёлушкин Степан Никитич	(1927-1950)	Умер в Тюмени в заключении.
Ёлушкина Александра Никитична	(1933-1994)	Похоронена в п. Половинка.
Ёлушкина Агния Никитична	1935 г.р.	Живет в п. Половинка.
Ёлушкина Анастасия Петровна		Умерла в п. Половинка в возрасте 105 лет.
Ее дети: Ёлушкина Лукерья Васильевна	1921 г.р.	Умерла в доме старчества в пос. Винзили в 1993 или 1994 г.
Ёлушкин Иван Федорович	1925 г.р.	Участник Великой Отечественной войны. Умер в п. Половинка.
Ёлушкин Тихон Константинович	(1900-1970)	Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкина (урожд. Ендакова) Анастасия Алексеевна (жена Тихона)		Умерла в д. Ёлушкина.
Их дети: Ёлушкина Екатерина Тихоновна	1929 г.р.	Умерла в г. Урае.
Ёлушкин Анатолий Тихонович	1931 г.р.	Утонул в д. Ёлушкина.
Ёлушкин Николай Тихонович	1935 г.р.	Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкин Дмитрий Павлович		Умер в годы Великой Отечественной войны.

Сын его: Ёлушкин Никита Дмитриевич	1900 г.р.	Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкина Анна Леонтьевна (жена Никиты)		Умерла в д. Панкутал, похоронена в д. Ёлушкина.
Их дети: Ёлушкин Евгений Никитич	(1923-1960)	Похоронен в д. Ёлушкина.
Ёлушкина Фекла Никитична	(1927-1995)	
Ёлушкин Иван Никитич	1932 г.р.	Живет в п. Луговая.
Ёлушкин Василий Никитич	1935 г.р.	Живет в п. Луговая.
Ёлушкин Андриан Васильевич	(1919-1961)	Участник Великой Отечественной войны. Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкин Василий Федорович	(1921-1975)	Последние годы жизни работал предс. Карымского с/с., умер в г. Урае.
Ёлушкина Прасковья		
Ее дети: Ёлушкина Александра Егоровна	1928 г.р.	Живет в п. Луговая.
Ёлушкин Александр Егорович	1902 г.р.	Пропал без вести в годы Великой Отечественной войны.

Ёлушкина Евдокия Гавриловна (урожд. Куренева), жена А.Е.Ёлушкина Их дети: Ёлушкин Иван Александрович Ёлушкина Нина Александровна Ёлушкина Тамара Александровна Ёлушкин Иван Константинович Ёлушкина (урожд. Богданова) Мария Кирилловна (жена Ивана Константиновича) Их дети: Галина Ивановна Сергей Иванович Алевтина Ивановна Фаина Ивановна Ёлушкин Степан Васильевич Ёлушкина Марья Малофеевна	1929 г.р. (1927-1987) 1932 г.р. 1910 г.р. 1914 г.р. 1930 г.р. 1935 г.р. 1937 г.р. 1940 г.р. 1910 г.р. 1910 г.р.	Умер в п. Три Конды. Похоронена в п. Междуреченском. Живет в г. Урае. Пропал без вести в марте 1942 г. Похоронена в д. Ёлушкина.
---	---	--

Их дети: Ёлушкин Пантелей Степанович Ёлушкин Геннадий Степанович Истомин Яков Истомина Александра Истомин Михаил Павлович Истомина Анна (жена Михаила) Их дети: Леонид Елена Яков Тамара Николай Кайдаулов Василий Алексеевич Кайдаулова Анастасия (жена Василия)	1930 г.р. 1938 г.р. 1930 г.р. 1933 г.р. 1935 г.р. 1938 г.р. ? 1911 г.р.	Семья Истоминных поселилась в д. Ёлушкина, переехав из д. Пихтовка, куда приехала в 1933 году или чуть раньше. У Якова и Александры детей не было, поэтому они взяли и вырастили племянника Михаила. Пропал без вести в годы Великой Отечественной войны.
--	--	--

Ворсина Нина (дочь Анастасии)	1930 г.р.	
Кайдаулов (отец Василия)		Умер в д. Ёлушкина.
Куренев Дмитрий Федорович	1905 г.р.	Умер в д. Ёлушкина в пожилом возрасте.
Куренева Фекла Петровна (жена Дмитрия)	(1912-1972)	Умерла в д. Ёлушкина.
Куренева Мария Гавриловна (жена Давыденко Г.М.)		Умерла в пожилом возрасте в г. Урае.
Кайдаулов Евгений		Бездетная семья.
Кайдаулова Екатерина		Умерли в Леушах.
Мотышева Ефросинья Никифоровна		Умерла в п. Половинка.
Немкова Александра		Умерла в Юмасае.
Немкова Татьяна	1919 г.р.	Умерла в Юмасае.
Немков Алексей	1927 г.р.	Умер в Юмасае.
Немков Федор Дмитриевич	1933 г.р.	
Першин Яков Ефремович	1900 г.р.	
Першина (урожд. Ёлушкина)		

Прасковья Николаевна (жена Якова)		Умерла в д. Ёлушкина.
Першина Анастасия Яковлевна	(1927-1996)	Похоронена в п. Половинка.
Першина Ольга Яковлевна	(1933-1964)	Похоронена в д. Ёлушкина.
Рыбин Андрей Федорович		Умерли в п. Луговая.
Рыбина Анфия Семеновна		
Рыбина Тамара Андреевна	1930 г.р.	Живет в Гомеле.
Вискунов Степан Матвеевич		
Вискунова Варвара Алексеевна		Умерли в д. Ёлушкина.

Кроме вышеназванных, в 1940 году в деревне Ёлушкина уже работал рыбоучасток, и там было много рабочих. Но я никого по имени и фамилии не помню. Знаю, что в клубе избачом, как тогда говорили, работала Ольга Ямзина. В медпункте - Конева Липа (Клеопатра), в магазине - Лошков (имени и отчества не помню).

Приложение 5

Жители д. Тосклива

По данным Артуро Канисто. Не позднее 1902 года

Яхтимов Максим Герасимович, жена	2 ч.
Яхтимов Матвей Иванович, сестра, приемная дочь	3 ч.
Яхтимова Аграфена Филипповна	1 ч.

Хозяйств - 3, мужчин - 2 ч., женщин - 4 ч.

Всего - 6 ч.

Русских три хозяйства поселились в 1902 году.

Жители д. Пангутал

Мутысов Максим Захарович, жена, дочь	3 ч.
Мутысов Никифор Никитович	1 ч.
Мутысов Иван Егорович, жена, сын, дочь, теща	5 ч.
Мутысов Петр Иванович, жена, три сына, дочь	6 ч.
Мутысова Лукерья Тимофеевна, два сына, дочь	4 ч.
Мутысова Офимия Егоровна, дочь, два сына брата, дочь брата, два сына дочери брата	7 ч.

Хозяйств - 6, мужчин - 14 ч., женщин - 12 ч.

Всего - 26 ч.

По данным Артуро Канисто, все жители деревень Ёлускина, Пангутал, Тосклива (за исключением вновь переселившихся русских семей) говорили по-вогульски. Вогульский язык позднее получил название мансийского.

Приложение 6

Жители д. Тосклива в 1940 г.

Деревня Тосклива находилась в 3 км от д. Панкутал ниже по течению р. Конды на правом берегу. В 1940 году, по сообщению Ю.В.Мотышева, там проживали:

Мотышев Григорий и жена его Мотышева Евдокия Яковлевна Их сыновья: Мотышев Илья Григорьевич	1925 г.р.	Участник Великой Отечествен- ной войны
Мотышев Геннадий Григорьевич	1927 г.р.	
Филатов Федор Степанович Филатова Анна Степановна Дети Федора: Филатов Александр Федорович Филатов Анатолий Федорович	1914 г.р. 1930 г.р. 1932 г.р.	Сестра Федора
Филатов Михаил Степанович и жена его Филатова Анна Федоровна Их дети: Филатов Алексей Михайлович	1920 г.р.	Участник Великой Отечествен- ной войны
Филатов Демьян Михайлович	1923 г.р.	Участник Великой Отечествен- ной войны, пропал без вести
Филатова Александра Михайловна Филатов Дмитрий Михайлович Филатова Феоктиста Михайловна Филатов Илья Михайлович	1926 г.р. 1927 г.р. 1930 г.р. 1932 г.р.	

Кроме вышеназванных, в деревне постоянно проживала семья Бородулина Федора. У них было много детей, но старших я не помню, а помню Бородулину Миру и Бородулина Александра, примерно 1937 или 1938 г.р. Они были из ссыльных поселка Лиственничный, а здесь, в Тоскливой, кормили скот.

Последние жители Тоскливой были Филатов Федор Степанович с женой Анной Степановной. Выехали примерно в 1960 году.

Записала со слов Юрия Владимировича Мотышева в декабре 1997 года О.А.Кошманова.

Приложение 7

**Жители д. Панкутал
в 1940 году (по сообщению Мотышева Ю.В.)**

Мотышев Антон Иванович	(1880-1968)	Умер в д. Ёлушкина.
и жена его Мотышева Евдокия Андреевна	(1883-1959)	Умерла в д. Ёлушкина.
внук Мотышев Юрий Владимирович	1931 г.р.	Живет в п. Половинка.
Мотышев Дмитрий Иванович	1890 г.р.	Участник Великой Отечественной войны. Умер от ран. Похоронен в Панкутале.
и жена его Мотышева (урожд. Давыденко) Евдокия Андреевна	(1885-1950)	Умерла в д. Ёлушкина.
их дети: Мотышев Николай Дмитриевич	(1925-13.09.1988)	Участник Великой Отечественной войны. Похоронен в Междуреченске.

Мотышев Семен Дмитриевич	(1927-1956)	Похоронен в д. Ёлушкина.
Мотышева Зоя Дмитриевна	1931 г.р.	Живет в п. Луговая.
Мотышева Пелагея ее дети: Мотышев Ефим Степанович		Погиб в годы Великой Отечественной войны.
Мотышева Анна Степановна	1914 г.р.	
Мотышев Прокопий Степанович	1916 г.р.	
Мотышева Домна Степановна	1919 г.р.	
Мотышева Таисья Степановна	1923 г.р.	
Мотышев Николай Федорович	(1880-1964)	Похоронены в д. Ёлушкина.
Мотышева Мария Николаевна	(1886-1963)	
их сын Мотышев Александр Николаевич	(1918-1939)	Умер от туберкулеза легких. Заболел, учась в Ленинграде, был отчислен.
его жена Мотышева (впосл. Голицына) Александра Парамоновна	1916 г.р.	
их сын Мотышев Петр Александрович	(1939-93)	Похоронен в Междуреченске.

Дети Никиты и Елизаветы Ёлушкиных: Ёлушкин Степан Никитич	(1927-1950)	Умер в Тюмени в заключении.
Ёлушкина Александра Никитична	(1933-1994)	Похоронена в п. Половинка.
Ёлушкина Агния Никитична	1935 г.р.	Живет в п. Половинка.
Ёлушкина Анастасия Петровна		Умерла в п. Половинка в возрасте 105 лет.
Ее дети: Ёлушкина Лукерья Васильевна	1921 г.р.	Умерла в доме старчества в пос. Винзили в 1993 или 1994 г.
Ёлушкин Иван Федорович	1925 г.р.	Участник Великой Отечественной войны. Умер в п. Половинка.
Ёлушкин Тихон Константинович	(1900-1970)	Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкина (урожд. Ендакова) Анастасия Алексеевна (жена Тихона)		Умерла в д. Ёлушкина.
Их дети: Ёлушкина Екатерина Тихоновна	1929 г.р.	Умерла в г. Урае.
Ёлушкин Анатолий Тихонович	1931 г.р.	Утонул в д. Ёлушкина.
Ёлушкин Николай Тихонович	1935 г.р.	Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкин Дмитрий Павлович		Умер в годы Великой Отечественной войны.

Сын его: Ёлушкин Никита Дмитриевич	1900 г.р.	Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкина Анна Леонтьевна (жена Никиты)		Умерла в д. Панкутал, похоронена в д. Ёлушкина.
Их дети: Ёлушкин Евгений Никитич	(1923-1960)	Похоронен в д. Ёлушкина.
Ёлушкина Фекла Никитична	(1927-1995)	
Ёлушкин Иван Никитич	1932 г.р.	Живет в п. Луговая.
Ёлушкин Василий Никитич	1935 г.р.	Живет в п. Луговая.
Ёлушкин Андриан Васильевич	(1919-1961)	Участник Великой Отечественной войны. Умер в д. Ёлушкина.
Ёлушкин Василий Федорович	(1921-1975)	Последние годы жизни работал предс. Карымского с/с., умер в г. Урае.
Ёлушкина Прасковья		
Ее дети: Ёлушкина Александра Егоровна	1928 г.р.	Живет в п. Луговая.
Ёлушкин Александр Егорович	1902 г.р.	Пропал без вести в годы Великой Отечественной войны.

Ворсина Нина (дочь Анастасии)	1930 г.р.	
Кайдаулов (отец Василия)		Умер в д. Ёлушкина.
Куренев Дмитрий Федорович	1905 г.р.	Умер в д. Ёлушкина в пожилом возрасте.
Куренева Фекла Петровна (жена Дмитрия)	(1912-1972)	Умерла в д. Ёлушкина.
Куренева Мария Гавриловна (жена Давыденко Г.М.)		Умерла в пожилом возрасте в г. Урае.
Кайдаулов Евгений		Бездетная семья.
Кайдаулова Екатерина		Умерли в Леушах.
Мотышева Ефросинья Никифоровна		Умерла в п. Половинка.
Немкова Александра		Умерла в Юмасе.
Немкова Татьяна	1919 г.р.	Умерла в Юмасе.
Немков Алексей	1927 г.р.	Умер в Юмасе.
Немков Федор Дмитриевич	1933 г.р.	
Першин Яков Ефремович	1900 г.р.	
Першина (урожд. Ёлушкина)		

Прасковья Николаевна (жена Якова)		Умерла в д. Ёлушкина.
Першина Анастасия Яковлевна	(1927-1996)	Похоронена в п. Половинка.
Першина Ольга Яковлевна	(1933-1964)	Похоронена в д. Ёлушкина.
Рыбин Андрей Федорович		Умерли в п. Луговая.
Рыбина Анфия Семеновна		
Рыбина Тамара Андреевна	1930 г.р.	Живет в Гомеле.
Вискунов Степан Матвеевич		
Вискунова Варвара Алексеевна		Умерли в д. Ёлушкина.

Кроме вышеназванных, в 1940 году в деревне Ёлушкина уже работал рыбоучасток, и там было много рабочих. Но я никого по имени и фамилии не помню. Знаю, что в клубе избачом, как тогда говорили, работала Ольга Ямзина. В медпункте - Конева Липа (Клеопатра), в магазине - Лошков (имени и отчества не помню).

Приложение 5

Жители д. Тосклива

По данным Артуро Канисто. Не позднее 1902 года

Яхтимов Максим Герасимович, жена	2 ч.
Яхтимов Матвей Иванович, сестра, приемная дочь	3 ч.
Яхтимова Аграфена Филипповна	1 ч.

Хозяйств - 3, мужчин - 2 ч., женщин - 4 ч.
Русских три хозяйства поселились в 1902 году.

Всего - 6 ч.

Жители д. Пангутал

Мутысов Максим Захарович, жена, дочь	3 ч.
Мутысов Никифор Никитович	1 ч.
Мутысов Иван Егорович, жена, сын, дочь, теща	5 ч.
Мутысов Петр Иванович, жена, три сына, дочь	6 ч.
Мутысова Лукерья Тимофеевна, два сына, дочь	4 ч.
Мутысова Офимия Егоровна, дочь, два сына брата, дочь брата, два сына дочери брата	7 ч.

Хозяйств - 6, мужчин - 14 ч., женщин - 12 ч.

Всего - 26 ч.

По данным Артуро Канисто, все жители деревень Ёлускина, Пангутал, Тосклива (за исключением вновь переселившихся русских семей) говорили по-вогульски. Вогульский язык позднее получил название мансийского.

Приложение 6

Жители д. Тосклива в 1940 г.

Деревня Тосклива находилась в 3 км от д. Панкутал ниже по течению р. Конды на правом берегу. В 1940 году, по сообщению Ю.В.Мотышева, там проживали:

Мотышев Григорий и жена его Мотышева Евдокия Яковлевна Их сыновья: Мотышев Илья Григорьевич	1925 г.р.	Участник Великой Отечествен- ной войны
Мотышев Геннадий Григорьевич	1927 г.р.	
Филатов Федор Степанович Филатова Анна Степановна Дети Федора: Филатов Александр Федорович Филатов Анатолий Федорович Филатов Михаил Степанович	1914 г.р. 1930 г.р. 1932 г.р.	Сестра Федора
и жена его Филатова Анна Федоровна Их дети: Филатов Алексей Михайлович	1920 г.р.	
Филатов Демьян Михайлович	1923 г.р.	Участник Великой Отечествен- ной войны, пропал без вести
Филатова Александра Михайловна	1926 г.р.	
Филатов Дмитрий Михайлович	1927 г.р.	
Филатова Феоктиста Михайловна	1930 г.р.	
Филатов Илья Михайлович	1932 г.р.	

Кроме вышеназванных, в деревне постоянно проживала семья Бородулина Федора. У них было много детей, но старших я не помню, а помню Бородулину Миру и Бородулина Александра, примерно 1937 или 1938 г.р. Они были из ссыльных поселка Лиственничный, а здесь, в Тоскливой, кормили скот.

Последние жители Тоскливой были Филатов Федор Степанович с женой Анной Степановной. Выехали примерно в 1960 году.

Записала со слов Юрия Владимировича Мотышева в декабре 1997 года О.А.Кошманова.

Приложение 7

**Жители д. Панкутал
в 1940 году (по сообщению Мотышева Ю.В.)**

Мотышев Антон Иванович	(1880-1968)	Умер в д. Ёлушкина.
и жена его Мотышева Евдокия Андреевна	(1883-1959)	Умерла в д. Ёлушкина.
внук Мотышев Юрий Владимирович	1931 г.р.	Живет в п. Половинка.
Мотышев Дмитрий Иванович	1890 г.р.	Участник Великой Отечественной войны. Умер от ран. Похоронен в Панкутале.
и жена его Мотышева (урожд. Давыденко) Евдокия Андреевна	(1885-1950)	Умерла в д. Ёлушкина.
их дети: Мотышев Николай Дмитриевич	(1925-13.09.1988)	Участник Великой Отечественной войны. Похоронен в Междуреченске.

Мотышев Семен Дмитриевич	(1927-1956)	Похоронен в д. Ёлушкина.
Мотышева Зоя Дмитриевна	1931 г.р.	Живет в п. Луговая.
Мотышева Пелагея ее дети: Мотышев Ефим Степанович		Погиб в годы Великой Отечественной войны.
Мотышева Анна Степановна	1914 г.р.	
Мотышев Прокопий Степанович	1916 г.р.	
Мотышева Домна Степановна	1919 г.р.	
Мотышева Таисья Степановна	1923 г.р.	
Мотышев Николай Федорович	(1880-1964)	Похоронены в д. Ёлушкина.
Мотышева Мария Николаевна	(1886-1963)	
их сын Мотышев Александр Николаевич	(1918-1939)	Умер от туберкулеза легких. Заболел, учась в Ленинграде, был отчислен.
его жена Мотышева (впосл. Голицына) Александра Парамоновна	1916 г.р.	
их сын Мотышев Петр Александрович	(1939-93)	Похоронен в Междуреченске.

Мотышева (урожд. Молоткова) Ольга Дмитриевна	(1916-1942)	Погибла трагически. Напоролась на вилы, спускаясь со стога.
муж Мотышев Прокопий Степанович (см. выше)		
их дети: Мотышев Владимир Прокопьевич	1936 г.р.	
Мотышева Мария Прокопьевна	1938 г.р.	
Мотышев Анатолий Прокопьевич	1940 г.р.	
Мотышева (урожд. Тарханова) Матрена (жена Ефима Мотышева)		
их дети: Мотышев Сергей Ефимович	1929 г.р.	
Мотышева Евдокия Ефимовна	1931 г.р.	
Мотышев Александр Ефимович	1934 г.р.	
Мотышева Мария Ефимовна	1939 г.р.	
Мотышева Раида Ефимовна	1940 г.р.	
Мотышев Василий		Пропал без вести в годы Великой Отечественной войны.

его жена Мотышева Агафья		
их дочь Мотышева Таисья Васильевна	1930 г.р.	
Мотышев Павел (брат Василия)		
Мотышева Акулина ее дети:		
Мотышев Павел Максимович		
Мотышев Василий Максимович		
Мотышев Максим	Прим. 1925 г.р.	Это был уродец, не мог ходить, но был очень силь- ный. Так и звали - Силач.
Калымова Елена Григорьевна	1929 г.р.	Уехала в Кипавлу.
Зольников Григорий Иванович	1909 г.р.	Погиб в годы Вели- кой Отечественной войны.
его жена А.С.Мотышева-Зольникова		
их дети: Зольникова Елена Григорьевна	1931 г.р.	
Зольникова Ольга Григорьевна	1934 г.р.	
Зольникова Раида Григорьевна	1937 г.р.	
Зольников Иван Григорьевич	1939 г.р.	

ЯЛЬВИЛЬ

Сказка

У одного старика-охотника было три сына. Не смог отец сам на охоту ходить, стал собирать старшего. Поделился с ним охотничьими секретами, рассказал, где в лесу находится избушка. И пошел старший сын на охоту.

Пришел в избушку к вечеру, стал чувал разводить да пищу себе готовить. Только сготовил, собаки залаяли, шум подняли. Заходит в избушку богатырь Яльвиль.

- Пришел, сынок?

- Пришел.

- Кушать сготовил?

- Готово.

- Корми меня, есть очень хочу.

- Садись, ешь.

Скормил все, что сготовил.

- Мало. Еще что есть? Корми меня.

Все скормил, что из дома принес. Яльвиль еще просит.

- Все, больше нет ничего у меня.

- Раз больше ничего нет, значит, я тебя съем.

Схватил охотника, порвал на куски и съел.

Дома ждут-пождут старшего сына, дождаться не могут.

Пошел на охоту средний сын. С ним такая же история случилась.

И этого дождаться из леса не могут.

- Твоя очередь, - говорит отец младшему сыну Ляльке.

Пошел Лялька в лес, по дороге убил зайца. Нашел охотничью избушку отца. Темнеть стало. Разжег чувал. Только поставил чай кипятить, собаки зашумели. Заходит в избушку Яльвиль.

- Пришел, сынок?

Лялька сразу же и догадался, что братья тоже с этим лесным чудом встречались и погибли.

- Пришел.

- Я есть хочу, чем кормить будешь?

- Да вот по дороге зайца убил.

- Давай корми меня.

- А ты разевай рот, я тебе зайца подавать буду.

Раскрыл Яльвиль рот. Схватил Лялька лук и выстрелил Яльвилю прямо в рот. Выскочил тот из избушки, и только его и видел Лялька. Убежал.

«Он и погубил моих братьев, - думает Лялька. - Пойду-ка я его искать завтра». Наутро пошел по следу Яльвиля и пришел к его дому. Дом большой, богатый. Туда-сюда посмотрел. «Зайти - не зайти?» - думает. Заходить страшно и судьбу братьев узнать надо. Решил зайти.

- Пришел, сынок? - опять спрашивает Яльвиль.

- Пришел. Узнать, где мои братья.

- Нету твоих братьев. Ты за себя постоял, а они нет.

- За них и я тебя накормил, - говорит Лялька.

- Раз пришел, будешь жить у меня. Женишься на моей дочери. Но сначала сходи в наш лес и посмотри там слопцы. Может, что и попало.

Пошел Лялька в тот лес, на который указал Яльвиль. Смотрит - домишка стоит. Не большой - не маленький. Вокруг дома собака со щенятами бегаёт. Зашел в дом. А там старуха сидит. Увидела она Ляльку да как начала ругаться:

- Кто ты такой? Зачем и откуда пришел? Если наш хозяин узнает, он тебя съест! Чужих в нашем лесу не бывает. Уходи, куда цел!

- Не ворчи, старая. Меня хозяин послал. Привет тебе передал, меня накормить велел.

- Ничего я тебе не дам. Уходи, пока ноги носят.

- Тогда дай мне щенка.

- Бери любого и уходи, - ворчит старуха.

Вышел Лялька, взял щенка, засунул его за пазуху и дальше пошел. Шел, шел, ко второму такому же домику пришел. Опять возле дома собака со щенятами бегаёт. В дом зашел. А там старик сидит. Как увидел Ляльку, ругаться начал:

- Кто ты? Зачем пришел? Уходи скорее, пока хозяин не пришел да не узнал!

- Не ворчи, дед. Дай лучше щенка.

- Бери и уходи.

Пошел дальше. Увидел и третий домик. И там щенка взял. Слопцы осмотрел, назад пошел. Пока к дому Яльвиля шел, щенки в собак превратились. Выросли.

- Ты, хозяин, без нас ничего не делай. Не ешь, не пей. Спать не ложись. Мы тебя от беды защитим.

Пришел в дом Яльвиля. Пригласили к столу. Лялька незаметно открыл дверь. Ворвались его собаки в дом и - к столу. Схватили со стола хлеб и разорвали его на части. И опять на улицу убежали.

Вечером ему мягкую перину приготовили. Вышел Лялька на двор, а собаки уже сидят, его ждут. Вместе с ним зашли в дом, схватили перину, на части разорвали. Из перины той не мягкие перышки посыпались, а иголки колочие.

На другой день Яльвиль опять посылает Ляльку слопцы смотреть.

- Иди, сынок, проверь слопцы. Да только собак с собой не бери.

- Как без собак в лесу? Собаки со мной пойдут.

- Я тебе говорю, что собак с собой не бери. Собаки дома останутся.

Спорили-спорили. Отправил Яльвиль Ляльку в лес без собак. Ушел Лялька, а Яльвиль собак в сарай закрыл и уши им смолой залил. Оглохла собаки. Ничего слышать не стали.

Подошел Лялька к первому слопцу, поднял его, а из-под него змея зашипела. И во втором, и в третьем слопце змеи оказались. «Что-то тут не так», - думает. И услышал, что к нему кто-то тяжелыми шагами идет. Аж земля прогибается. Смотрит, а это Яльвиль идет. Побежал от него Лялька. Бежал, бежал, увидел толстое да высокое дерево и залез на него.

- Успел, сынок, - говорит Яльвиль.

Упал он на один бок - топор появился, упал на другой бок - второй топор появился. И давай рубить дерево, на котором Лялька сидит.

Летят мимо вороны:

- Вороны, вороны, летите к моим собакам и скажите им, что плохо мне. Пусть на выручку идут.

- Ты нас поил-кормил, когда нам трудно было?

И полетели дальше по своим делам.

Мимо летят сороки.

- Сороки, сороки, пошлите мне моих собак...

- А ты нас поил-кормил, когда нам трудно было?

И полетели по своим сорочьим делам.

Летит мимо стайка воробьев:

- Воробьи, воробьи, слетайте и пришлите мне моих собак.

- А ты нас поил-кормил?

- Будете возле моего дома жить. Поиться, кормиться...

Полетели воробьи к собакам. Стали им говорить. А они ничего не слышат. Почистили им воробьи уши, сказали о беде хозяина и повели к тому месту, откуда их Лялька послал.

Налетели на Яльвиля собаки, начали кусать да на части рвать. Тут и Лялька помог. Убили они Яльвиля и привязали к тому дереву, на котором Лялька сидел.

Пусть стоит и вместе с деревом сохнет!

Лялька отдохнул и домой пошел. К себе на родину. Собак с собой взял, и воробьи за ним полетели. С тех пор воробьи и собаки возле домов живут, а лес освободился от злого и страшного Яльвиля.

Записала О. Кошманова

Приложение 9

ОЛЬГА КОШМАНОВА

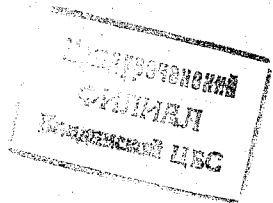
Сказ о сурень Нэ — Золотой Богине

Давно это было. Очень давно. На берегу ласкового теплого моря жила ослепительной красоты женщина. И называли ее Сурень Нэ - Золотой Богиней или Сорни Най - огненной женщиной. Многие короли и вельможи сватали ее, а ей полюбилилось Красно Солнышко. И чтобы осуществить свою мечту, тайно от всех покинула она теплую родину и пошла вслед Солнцу Красному. Долго шла, не один год, не один век. О том лишь она одна знает. И так до Каменного пояса земли дошла. А Красно Солнышко за те горы ушло и там скрылось. И пошла Сурень Нэ дальше, где перед нею равнина бескрайняя открылась. Да только та равнина не твердой землей оказалась, а топкой юэнг - янгой. И пошла Сурень Нэ по топям и трясинам. По её следу реки текли и озера образовывались. Трудно было идти по зыбучим местам. И стала Сурень Нэ срывать и бросать впереди себя куски одежды. Но и одежда кончилась, и силы ее оставили. И тут и Красно Солнышко на закат пошло. Бросив прощальный взгляд на своего горячо любимого Красно Солнышко, упала Сурень Нэ на Кондинские топи и янги и превратилась в эку - старуху. Раскинула руки и ноги от усталости, да так и слилась с нашей Кондинской землей на вечные времена, став её богатством: рыбой, пушиной, ягодой, нефтью, газом. Спит и по сей день. Спит и надеется, что вспомнит о ней Красно Солнышко и своими живительными лучами разбудит её, оживит и вновь она станет молодой и прекрасной Сурень Нэ - Золотой Богиней.

СОДЕРЖАНИЕ

Учинья. Половинка	3
Тап. Пихтовка. Ингатья	21
Ёлушкина. Тосклива. Панкутал	34
Митя-Лямчик	41
Приложения	47

-43340-1

Ольга Александровна Кошманова
Вот моя деревня

Редактор В. Белобородов
Технический редактор Н. Худякова
Оператор верстки Е. Перцева
Корректор Т. Усманова
Художественный оформитель Л. Вторушина

Изд. лиц. ЛР № 040869 от 14.01.98 г.
Подписано в печать 22.11.2000 г. Формат 60x84/16. Бумага «Зум».
Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Усл. п. л. 5,34. Тираж 300 экз. Заказ № 363.

Оригинал-макет, цветоделение, верстка и печать выполнены
ГУИПП «Полиграфист».

Ханты-Мансийский автономный округ Тюменской области,
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.
Тел. 3-29-84